

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Институт/факультет/филиал Исторический факультет

(полное наименование института/факультета/филиала)

Выпускающая кафедра Кафедра политологии и права

(полное наименование кафедры)

Потылицын Максим Денисович

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ НА ПРИМЕРЕ АВТОРИТАРИЗМА (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В
ПРЕПОДАВАНИИ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ
ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ)**

Направление подготовки/специальность 44.03.01. Педагогическое образование

(код направления подготовки/код специальности)

Профиль История и право

(наименование профиля для бакалавриата)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой к.и.н., доцент, Константинова М.В.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

19.06.2018 г.

(дата, подпись)

Руководитель к.филол.н., доцент, Лисина Л.Г.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

Дата защиты 20.06.2018

Обучающийся Потылицын М.Д.

(фамилия, инициалы)

Оценка отлично

(прописью)

Красноярск

2018

Институт/факультет/филиал Исторический факультет

(полное наименование института/факультета/филиала)

Выпускающая кафедра Кафедра политологии и права

(полное наименование кафедры)

Потылицын Максим Денисович

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕЖИМОВ НА ПРИМЕРЕ АВТОРИТАРИЗМА (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В
ПРЕПОДАВАНИИ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ
ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ)**

Направление подготовки/специальность 44.03.01. Педагогическое образование

(код направления подготовки/код специальности)

Профиль История и право

(наименование профиля для бакалавриата)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой к.и.н., доцент, Константинова М.В.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

_____ (дата, подпись)

Руководитель к.филол.н., доцент, Лисина Л.Г.

(ученая степень, ученое звание, фамилия, инициалы)

Дата защиты _____

Обучающийся Потылицын М.Д.

(фамилия, инициалы)

Оценка _____

(прописью)

Красноярск

2018

Оглавление	
Введение	3
Глава 1. Современные тенденции в изучении политических режимов.....	7
1.1. Политический режим как научная категория.....	7
1.2. Проблема дифференциации политических режимов	17
Глава 2. Авторитаризм как разновидность политического режима.....	36
2.1. Авторитаризм: сущность, критерии	36
2.2. Типологии авторитаризма	52
Глава 3. Проблемные вопросы по теме «Политические режимы» на уроках обществознания в школе.....	68
Заключение.....	73
Список использованных источников и литературы	78
Приложения.....	85

Введение

Проблема поиска оптимального государственного устройства – тема, размышления над которой насчитывает ни одно тысячелетие. Поскольку подобные искания неизбежно приводят к констатации необходимости трансформации политической системы или той или иной ее составляющей, важно понимать, что мыслитель или же коллектив мыслителей всегда исходит из наличия осознанного или неосознанного, но представления об идеале. И именно в этом на наш взгляд и кроется важная проблема, поскольку субъект является заложником идеального конструкта. В этой связи уместно обратиться к критике утопического мышления, продемонстрированного Карлом Маннгеймом в своей работе «Идеология и утопическое мышление»¹, чьей основополагающей характеристикой является средоточение мыслителя на статичном образе, где динамические вкрапления прослеживаются лишь в ограниченном упоминании о становлении идеального. Однако человек не статичен, а изменчивость его миропонимания и всего сопряженного с этим само собой оказывает влияние на развитие данного конструкта.

Но объект суждений, что есть государство, не статичен. Все его существование это перманентная трансформация. При этом, как отмечает Егор Тимурович Гайдар², государство в лице доминирующего актора при том или ином политическом режиме перманентно тяготеет к созданию условий своего максимально комфортного существования. Все его существование идет рука об руку с совершенствованием этого механизма. Думается, что подобное понимание государства важно обозначить, поскольку именно свобода маневра является приоритетным свойством в условиях постоянной нестабильности миропорядка.

Здесь на наш взгляд кроется противоречие, суть которого в особенности интересно проявляется на примере демократии, поскольку

¹ Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1994. 704 с.

² Гайдар Е. Т. Гибель империи : уроки для современной России. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2006.

теория предполагает, что существование демократии под перманентным прессом центристремительного потока общественного мнения порождает ситуацию вынужденного диалога³. Диалог как средства восприятия существующих в обществе тенденций. Однако при этом, отходя от теоретических построений, склонны полагать, что на деле люди во власти в большей мере озабочены вопросами стабилизации ситуации, хотя вероятно спектр их мотивов будет шире, нежели чем у элит в условиях авторитарного режима.

Если смотреть в целом, то демократия, как конструкт, вполне обоснованно претендует на статус оптимального государственного устройства с точки зрения масс, претендуя на воплощение собой порядка, где будет услышан каждый. Ключевым достоинством демократии является наличие совокупности относительно справедливых институтов ротации элит. Демократия воспринимается как заветная цель, поскольку ее становление сопряжено или даже вторично расширению числа свобод. Победа в борьбе за демократизацию равно признание вклада в этом противостоянии. Но над чем осуществляется победа? Ответ на этот вопрос, очевидно, сосредоточен в антиподе к спектру устройств, именуемых демократиями. Как есть демократии, так противопоставлены им недемократии.

Интересно при этом то, что демократиям в отличие от всей пестроты недемократических проявлений уделено куда больше внимания⁴. Однако, благодаря деятельности ряда исследователей, посвятивших свою деятельность рассмотрению и анализу проявлений авторитаризма, разработки по этому вопросу на настоящее время предоставляют широкое понимание этого явления. Х. Линц, Г. О'Доннелл, С. Хантингтон, Б. Геддес – это лишь немногие из тех, кто внес свой вклад в дело деконструкта авторитарных проявлений в мире XX века. Но, не смотря на это, изучение авторитаризма не утрачивает своей актуальности.

³ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. под ред. С. Деникиной, В. Барановой. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. С. 6

⁴ Huntington S.P. Democracy for the Long Haul //Journal of Democracy (7, April 1996). P.12

Тема эта, безусловно, не нова. Но это вовсе не означает, что она утратила свою актуальность, т.к. новые явления порождают новые формы, что в свою очередь создает почву для новых интерпретаций. Применительно к отечественной политологии важным в кладом в изучение темы является фундаментальная работа Станислава Николаевича Шкель «Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе»⁵, где автором посредством обращения к современным методам компаративистики была предпринята попытка проанализировать развитие авторитарных тенденций и режимов на постсоветском пространстве с упором на государства Центральной Азии и Кавказа. Добавим, что в отечественной политологии на наш взгляд теоретическому освещению проблемы авторитаризма уделяется незаслуженно мало внимания, а большинство работ, касающихся авторитаризма отличаются практической направленностью при игнорировании более фундаментальных вопросов.

В данной работе мы задались **целью** проследить современные тенденции в изучении политических режимов на примере авторитаризма, выбор в пользу которого был сделан под влиянием новой волны интереса к теме, в условиях нового авторитарного отката⁶. Реализацию цели предполагается осуществить посредством обращения к современным исследованиям как зарубежных, так и отечественных специалистов, где особое внимание уделено проблеме типологизации авторитарных режимов, поскольку именно типологизация как разновидность систематизации опыта есть заключительное обобщение, что на наш взгляд позволяет наиболее четко проследить тенденции, присущие современному этапу изучения авторитаризма.

Задачи:

⁵ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. 352 с.

⁶ Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? / Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999, no. 2, pp. 115-144

1. Проследить современные тенденции в изучении политических режимов;

2. Охарактеризовать современные тенденции в изучении авторитаризма на примере типологий;

3. Выявить проблемные вопросы по теме «Политические режимы» на примере авторитаризма на уроках обществознания в школе.

Объект исследования: теория политических режимов;

Предмет: авторитаризм как разновидность политического режима;

В своей работе мы обращаемся к сравнительно историческому методу⁷, т.к. данный метод в большей степени отвечает нашему стремлению проанализировать эволюция понимания авторитаризма как политического режима.

Отметим, что наша работа не носит и не может носить полный и исчерпывающий характер, поскольку многое вынуждено осталось вне нашего рассмотрения. Причины того заключаются как в отсутствии доступа к той или иной литературе, так и в субъективном отборе в соответствии с критериями значимости материала для нашей работы.

⁷ Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации. Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 6. С. 17

Глава 1. Современные тенденции в изучении политических режимов

1.1. Политический режим как научная категория

В политологии в широком смысле изучение политических режимов является, вероятно, одним из самых динамично развивающихся направлений. При этом важно помнить, что «политический режим» как абстрактный объект имеет множество дефиниций. Проблема определения понятия «политический режим» является основополагающей для нашего исследования.

В этой связи приведем слова Григория Васильевича Голосова: «Спор об определении этой категории не меньше, чем по поводу других базовых категорий политического анализа»⁸. Так, Ольга Анатольевна Назаренко констатирует, что «политический режим», как дефиниция, может быть раскрыт в узком и широком значениях: в узком смысле слова – совокупность приемов и способов государственного руководства. В широком своем понимании – уровень гарантированности демократических прав и политических свобод личности, степень соответствия официальных конституционных и правовых форм политическим реалиям, характер отношения властных структур к правовым основам государственной и общественной жизни⁹.

В частности Станислав Николаевич Шкель предлагает разделить их на два направления: минималистское (процедурно-электоральное) и широкое (политико-социентальное), где минималистское направление представлено Й.А. Шумпетером и Р. Далем, обозначающим ключевым составляющим режима механизм ротации элит, а режима как набор формальных и неформальных правил и процедур, определяющих каналы доступа к власти¹⁰.

⁸ Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С. 68

⁹ Назаренко О.А. Политический режим: теоретико-правовая характеристика // PolitBook. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-rezhim-teoretiko-pravovaya-harakteristika>

¹⁰ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 7-8

Наиболее известным определением, что соответствует данному направлению является дефиниция предложенная Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера¹¹, где политический режим – это «совокупность явных и скрытых моделей, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристик акторов и используемых ими стратегий». Широкое или политико-социентальное направление отличает расширение спектра рассматриваемых проблем в контексте категории «политический режим». Так, представители этого направления в лице Х. Линца и А. Степана расширяют проблематику, обращаясь помимо каналов доступа к властным позициям, к таким темам как: методы осуществления власти, административное управление, взаимодействие власти и общества. В рамках своего исследования¹² учеными были представлены четыре характеристики, каждая из которых по-своему проявляется в каждом из выделяемых авторами разновидностей политического режима. Этими характеристиками являются: политический и социально-экономический плюрализм, наличие или отсутствие идеологии и ее роль в государстве¹³, мобилизация населения и особенности формирования и функционирования органов власти (leadership). Таким образом, как определяет С.Н. Шкель, с точки зрения представителей политико-социентального направления «...тип режима определяется не только на основе оценки качества избирательных процедур и электорального процесса, но и более широкого круга показателей социально-экономического, властно-управленческого и культурного характера»¹⁴.

Сам же Голосов Г.В. как многие другие, делает выбор в пользу дефиниции, предложенной Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера, где политический режим – это вся совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям,

¹¹ Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С. 69

¹² Linz H., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Euro e. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1996.

¹³ Мусихин Г.И. Очерки теории идеологий – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 288 с.

¹⁴ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 8

характеристики субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за него.

Свой вариант, выдержанный в духе неоинституционального подхода предлагает В.А. Ачкасов. Политический режим – это институционализированная совокупность формальных и неформальных правил, определяющая горизонтальные и вертикальные ограничения в приемах осуществления власти, во взаимодействии носителей власти между собой и остальной частью общества¹⁵.

В продолжение темы выведения общей дефиниции, отметим, что особого внимания, на наш взгляд, заслуживает труд А.П. Цыганкова *Современные политические режимы*¹⁶. Выведению понятия режим у автора предшествует выявление корреляций данного понятия с дефинициями, близкими по смысловому значению. Это и «политическая власть», и «государство», и «политическая система», и «процесс», и «государственный строй» и «форма правления». Так, в вопросе о соотношении понятий «власть» и «политический режим» автор приходит к выводу, что: «Различие заключается лишь в том, что режим есть организация власти в масштабах человеческого сообщества, ее структурирование в определенных целях и с использованием специфических методов».

Развивая тему сопоставлений понятий обратимся к политической системе, что в трактовке Гэбриэла Алмонда представляется как – «совокупность институтов, которые формулируют и воплощают в жизнь коллективные цели общества или существующих в нем групп»¹⁷, при этом определяя «политический режим» как: «... структурно-функционально-политические очертания, которые принимает правительство в разные периоды». Г. Алмонд рассуждает: «Политика осуществляется в рамках политических систем, взаимодействующих между собой, либо со средой или окружением.

¹⁵ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 128

¹⁶ Цыганков А.П. *Современные политические режимы: структура, типология, динамика.* – М.: Интерпракс, 1995. 296 с.

¹⁷ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор.* – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 37-38

<...>. Любое образование, определяемое как система, обязательно должно обладать двумя свойствами: 1) состоять из совокупности взаимосвязанных частей и 2) отграничиваться от окружения, с которым взаимодействует. Существует множество разновидностей систем: механические - такие, как автомобили, экологические (экосистемы) - такие, как растения и животные, сосуществующие в едином ареале, социальные - такие, как семья. У каждой из них имеются взаимозависимые части и границы. Политические системы – особый тип социальных систем, а именно таких, которые задействованы в принятии властных публичных решений»¹⁸.

В вопросе о сопоставлении политического режима и политической системы В.А. Ачкасов предлагает понимать политический режим как «функциональной подсистемы политической системы»¹⁹. В свою очередь политическая система представляется совокупностью всех политических институтов, объединенных структурно-функциональными связями в целостное единство, что находится в противостоянии своей окружающей социальной среде – или другой политической системе (российская — американской и др.). Важно понимать, что одна и та же политическая система в зависимости от набора факторов влияния может функционировать по-разному. В свою очередь трансформируется и политический режим под постоянным давлением изменяющейся ситуации, что рождает материальную (неформальную) конституцию, но обязательно считающуюся с конституцией формальной. Перефразируя М. Дюверже в прочтении В.А. Ачкасова, отметим, важна не конституция сама по себе, но то, что Валерий Алексеевич называет «практикой ее функционирования», однако при этом не стоит отбрасывать формальную конституцию, поскольку именно она является системообразующей базой для политической практики.

Можно заключить, что если политическая система это те официальные рамки, в соответствии с которыми выстраивается государственность, то

¹⁸ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 74

¹⁹ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 129

политический режим представляется реальной совокупностью функционирования политического образования. Цыганков А.П. констатирует если «система» есть понятие обобщающее, аналитическое, играющее в осмыслении политических реальностей роль концептуального ядра, то «режим» способствует эмпирическому описанию этих реальностей²⁰.

Следующим шагом Цыганкова А.П. становится обращение к понятию «политический процесс», что представляет собой динамический аспект политической системы, где динамичность проявляется как политическая система в ее становлении, функционировании и развитии. Думается, что пояснения в этой связи излишни, однако отметим, что дефиниция «политический процесс», на наш взгляд, является, вероятно, одной из наиболее размытых. Отметим, что первостепенным моментом в определении понятия «политический процесс» является его темпоральный аспект, в чем без преувеличений схожи все исследователи.

Венчает понятийное сопоставление разбор термина «государство»: «Принципиальное понимание государства связано, во-первых, с изучением специализированного аппарата людей, занятых организацией и принуждением в целях управления обществом, а во-вторых, с отнесением к сфере государственной деятельности любого социального действия. В первом случае государство есть лишь определенный политический институт, во втором — устройство политической власти в обществе, то, что позднее получит наименование политической системы. Уже Аристотель достаточно четко разграничил категории «государства» и «государственного устройства». С его точки зрения, «государство (polis) представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей», а «государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства». Поэтому можно сказать, что понятия «государство» и «государственный строй» являются в известном смысле традиционными

²⁰ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. С. 10-11

аналогами более современных, возникших уже в XX веке понятий «политическая система» и «политический режим»».

По итогу А.П. Цыганков формулирует понятие «политический режим» следующим образом: «Политический режим есть совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь в этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы. Режим, таким образом, это своего рода жизнь, «дыхание» политической системы, ее упорядоченная динамика»²¹. Автор, выводя собственное определение, оговаривается, что, по его мнению, оно не является исчерпывающим и вдобавок не содержит принципиально новых научных изысканий. Нам же данное определение видится обстоятельно обоснованным, поскольку на наш взгляд автору удалось емко скомпоновать то, что мы бы могли определить как *суть* политического режима.

В продолжение общего дискурса в вопросе понимания понятия «политического режима», считаем важным осветить проблему соотношения понятий «политический режим» и «государственный режим». В этой связи приведем рассуждения В.Б. Догляд: «дефиниция понятия «политический режим» проявляется посредством совокупности методов, способов, средств и иных механизмов осуществления политической власти, а государственный режим реальный способ существования государственной власти в рамках той или иной формы правления. Политический режим, выступая способом функционирования политической системы, политической жизни, политических процессов, определяет политический климат в обществе»²². Ключ к пониманию автором «политического режима» заложен в следующих словах: «Политический режим фиксирует реальную принадлежность власти

²¹ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. 296 с.

²² Догляд В.Б. Соотношение понятий «государственный режим», «политический режим» и «форма правления» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2013. – № 1-2.

определенным субъектам политического процесса, способы владения и удержания ее, рекрутирования политической элиты, механизмы ее воздействия на людей». Наиболее корректно это соотношение на наш взгляд раскрывает О.А. Назаренко: «Говоря о «государственном режиме», на первое место выносятся деятельность государственных органов и то, какими средствами (способами) они ее осуществляют, руководствуясь при этом предоставленной им властью. В свою очередь, «политический режим» гораздо шире распространяет свое влияние, не ограничиваясь только пределами государства в лице его органов, так как включает в себя работу различных общественных организаций, движений, партий, воздействуя, таким образом, на политическую жизнь всего общества»²³.

Обобщая совокупность приведенных выше мнений, обозначим, что под политическим режимом мы понимаем функционирование политической системы в отдельно взятый временной промежуток, чьи границы могут быть обозначены ключевыми событиями, в зависимости от критериев, на которые ориентируется исследователь. Политический режим охватывает всю политическую систему общества, где последние представляет собой «совокупность институтов и органов, формулирующих и воплощающих в жизнь коллективные цели общества или составляющих его групп»²⁴. В свою очередь политическая система задается конституционными рамками в сочетании с практикой ее функционирования. Вторя В.А. Ачкасову, отметим, что важна практика функционирования режима, в то время как конституция (форма организации власти), отходя на второй план, но не скрываясь из виду, представляет собой правила игры, что «образуют фундаментальный аспект стратегии и тактики игроков»²⁵. Тогда как государственный режим, с одной стороны, выступает как стержень функционирования политического режима, а с другой, является его составляющей и представляет собой деятельность

²³ Назаренко О.А. Политический режим: теоретико-правовая характеристика // PolitBook. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-rezhim-teoretiko-pravovaya-harakteristika>

²⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. С. 74

²⁵ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 130

государственных органов, где принципиальное значение отводится набору методов по воплощению своей власти.

Основной закон не гарантирует становление конкретного режима, но является рамками для его становления и развития, поскольку на практике режим развивается как следствие внутренней ситуации – расстановки сил во власти²⁶. Правила рождаются во внутривнутриполитическом процессе. Они создают предпосылки и условия для трансформации режима, которая в свою очередь оказывает влияние на эти правила. В постоянном процессе взаимовлияния и рождается политический режим.

Разводя между собой понятия государственного и политического режима, мы склонны определять государственный режим как функциональное наполнение политической системы, что в свою очередь ограничен рамками закона, закрепляя при этом свою власть как высшую в рамках государства. Совсем иначе дело обстоит с политическим режимом, который представляет собой всю совокупность рычагов воздействия в условиях функционирующей политической системы де-факто. Политический режим предполагает обращение к гораздо более широкому спектру реальных отношений в обществе, что выходит за пределы отведенные власти политической системой, ограничивающие власть последнего де-юре.

Добавим, что проблема разграничения государственного и политического режимов на наш взгляд упирается исключительно в вопрос: «Что именно мы понимаем под политическим режимом?». Говоря о необходимости внедрения такого термина как «государственный режим» отметим, что чем шире становится наше понимание термина «политический режим» за счет усиления научного интереса к неформальным институтам и оппозиции как явлению политического режима, тем более обоснованным становится выделение «государственного режима» как самостоятельного понятия.

²⁶ Медушевский А.Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопросы философии, 1999. № 12. С. 3-28.

Преследуя цель многостороннего раскрытия сути явления политического режима, считаем уместным привести перечисление факторов, под влиянием которых прибывает режим в процессе своего перманентного становления. О.А. Назаренко²⁷ приводит следующие факторы: сущность и форма государства, характер законодательства, обусловленный соотношением различных общественно-политических сил, уровень и стандарт жизни, а также менталитет граждан, исторические традиции страны, расстановка политических сил в мировом политическом пространстве. Добавим, что О.А. Назаренко также обращается к теме элементов политических режимов, где выделяет: 1) партийная система, которая определяет сущность режима; 2) избирательная система; 3) структура институтов верховной власти; 4) принцип легитимности органов государственной власти; 5) способы принятия политических решений; 6) заинтересованные группы (профсоюзы и другие организации, созданные в соответствии с профессиональными, этническими, религиозными интересами).

В данном разделе нами была предпринята попытка концептуального разбора понятия «политический режим», а также сопутствующих дефиниций. Дискуссионный характер понятия обусловлен наличием разночтений в вопросе выведения определений, что является следствием мнений плюрализма в выборе методологической основы анализа. Можно подытожить, что не смотря весьма расплывчатое понимание политического режима большинство трактовок так или иначе укладывается в детализированную О.А. Назаренко конструкцию по разграничению понимания категории «политический режим» в узком и широком смысле.

Мы в свою очередь убеждены, что проблема в разграничении таких понятий как «политическая система», «политический режим» и

²⁷ Назаренко О.А. Политический режим: теоретико–правовая характеристика // PolitBook. 2013. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-rezhim-teoretiko-pravovaya-harakteristika>

«государственный режим» упирается подход, избранный исследователем²⁸, и как следствие, то или иное понимание этих определений. Так, по мере расширения понимания политического режима как климата функционирования системы в отечественной политологии проявляется проблема необходимости введения и обоснования дополнительной категории «государственный режим»²⁹, при том что политологии за рубежом эти вопросы в меньшей степени интересны, при том, что внимание исследователей концентрировано в большей степени на проблеме функционирования политической системы как категории и встроенного в нее политического режима³⁰.

²⁸ Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 6. С. 17

²⁹ Догляд В.Б. Соотношение понятий «государственный режим», «политический режим» и «форма правления» // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2013. – № 1-2.

³⁰ Истон Д. Новая революция в политической науке // *Социально-политические науки*, 1993. № 6. С.115-128.

1.2. Проблема дифференциации политических режимов

Определившись с общим пониманием политического режима как составляющего политической системы, следующим нашим шагом станет освещение проблемы типологизации политических режимов.

Полагаем, что в своих измышлениях мы не будем новы, поскольку, данная тема имеет чрезвычайно широкое освещение в политологии без преувеличения всего мира. Однако не стоит считать, что столь широкий интерес к проблеме типологизации политических режимов привел к утрате ее актуальности. Скорее наоборот. Новые узкоспециализированные изыскания пополняют рассеянную базу и тем ни менее влияют на последующие шаги в этой области, что становится возможным во многом благодаря расширению влияния и последующей интернационализации пространства Internet³¹.

При этом нельзя отказываться от проблемы систематизации опыта типологизации, поскольку именно сведение опыта предшествующих работ есть почва для последующего шага. Подобная систематизация, как нам кажется, не должна быть лишена динамичности, чего можно достичь исключительно посредством постоянного поиска и критического подхода к собственному инструментарию, поскольку мы убеждены, что в мире перманентной трансформации объектов познание бесконечно. В качестве негативного опыта, безусловно, не без преувеличений, но все же можно привести опыт единственно верной трактовки в сфере гуманитарного знания СССР, отголоски самореферентности которого вероятно еще будут продолжать давать о себе знать. Тезис аксиоматичен, и все же, как нам кажется, является важным к упоминанию: потенциальная угроза для национального гуманитарного знания кроется в закрытости на себе. Подобная автаркизация абсолютно не способствует выводу гуманитарного знания на мировой уровень.

Возвращаясь к теме, отметим, что прежде чем затронуть вопрос о классификации политических режимов, нам видится важным осветить

³¹ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2004

явление дихотомии «демократия-тоталитаризм», как начальной стадии систематизации.

Изжила ли себя дихотомия «демократия-тоталитаризм»? Думается, что нет. Причина того на наш взгляд кроется в принципиальной простоте данного противопоставления как «светлого и темного», что в массовом сознании являет собой четкий ориентир в сфере политического. Не отрицаем, что это чрезмерное упрощение, не отрицаем и почвы для обвинения данной позиции в политизированности со стороны людей, считающих такие режимы как, например, постсталинский СССР оклеветанными и в их словах есть правда, поскольку СССР как политическая система при И.В. Сталине представлял собой иную структуру нежели чем при Л.И. Брежневем, что вероятно воспринимается как своего рода аксиома³². Если же развивать тезис об утрате актуальности обращения к противопоставлению демократия-тоталитаризм, то можно заключить, что по факту утраты странами антикапиталистического блока своих характеристик как тоталитарных режимов и последующей демократизации в ряде случаев данное противопоставление действительно утрачивает прежний эвристический потенциал, вследствие чего мы согласны с данным утверждением, поскольку подъем третьей волны демократизации сопровождался естественной утратой такой дефиницией как «тоталитаризм» своего потенциала применительно к описанию политической реальности. Так, на наш взгляд, «тоталитаризм» уступает место «авторитаризму» как противопоставлению демократической организации³³.

Позволим себе перефразировать Догана М. и Пеласси Д., отметим, что по сути дихотомия представляет собой простейшее противопоставление двух категорий исследуемых объектов. Дихотомия – это и вывод в себе и почва для последующего шага – этап начального упорядочения. Своего рода

³² Бутенко, А. П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования. 1998. № 6. – С. 26-37.

³³ Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования, 1999. № 1. С. 10-25.

флюгер дальнейшего процесса исследования³⁴. Дихотомическое деление применительно к политическим режимам видится нам именно в силу того, что максимально четко позволяет обозначить тот или иной играющий тренд. Дихотомизация это всегда контраст.

Повторимся: дихотомия лишь средство для дальнейших изысканий: последующего углубления. Это идеально-типическое противопоставление, но ни в коем случае не исчерпывающее объяснение, что, как нам кажется, аксиоматично. Рамочная классификация, как обозначает ее А.П. Цыганков³⁵. Кажется, уместно будет повториться: обращение к структурированию неминуемо толкает на дорогу примитивизации суждений, поскольку схема это всегда упрощение. И как констатируют Доган М. и Пеласси Д.: «Упрощение помогает пониманию – это очевидно. Истина познается в противопоставлении. Карикатура иногда помогает увидеть главное»³⁶.

Потенциальная опасность кроется в некритичном и прямолинейном понимании дихотомии. Поскольку движение к простоте сопровождается расширением спектра допущений, важно понимать, что дихотомизация не может претендовать на отображение многообразия, хотя бы потому, что задается иной целью. Целью радикального противопоставления. Дихотомия подминает эмпирическое разнообразие, но не отрицает его³⁷. Дело в том, что стремление к расширению спектра проблематик (многообразие) и его сужение (дихотомия) не отрицают друг друга, но лишь движутся в противоположных направлениях. В своей критике дихотомии «демократия-тоталитаризм» Догана М. и Пеласси Д. обращают внимание на тот факт, что в условиях, когда в мире число стран пересекло черту чуть ли ни в 200, совсем немногие из них соответствуют идеальным типам. И не согласиться с этим утверждением воистину сложно.

³⁴ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. 272 с.

³⁵ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. 171 с.

³⁶ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. 272 с.

³⁷ Sommers F. Types and Ontology. The Philosophical Review, Vol. 72, No. 3 (Jul., 1963), pp. 327-363

Полагаем, что в определенном смысле значимым моментом здесь является факт распада биполярной системы. Поскольку в условиях существования Ялтинско-Потсдамской системы идея дихотомизация политических режимов на демократические и недемократические так или иначе, но укладывалась в концепцию противостояния двух полюсов. Однако мимолетная победа НАТО в противостоянии с блоком Варшавского договора обернулась новой более широкой поляризацией стран³⁸. Реальность изменилась, а вместе с ней трансформировались и запросы. Победа либеральной демократии в полувековом противостоянии с новой силой обнажила частное и особенное.

При этом мы не можем согласиться с тем, что данная дихотомия абсолютно изжила себя, хотя и солидаризируемся с исследователями, предлагающими пересмотреть ее наполнение и применение. В частности Х. Линц и А. Степан убеждены, что трехсоставная классификация не только не отвечает потребностям современной политологии, но и более того – стало препятствием для дальнейших научных изысканий. Поскольку, как констатируют сам авторы, если применить устоявшиеся критерии к классификации современных политических режимов, то 90 процентов из них окажутся авторитарными³⁹.

Ключевым моментом нам видится необходимость пересмотра восприятия понятий «демократия» и «авторитаризм» как законченных (идеальных) типов в пользу понимания этих понятий в большей степени как *тенденций развития*, в частности применительно к развивающимся в настоящее время режимам.

Таким образом, мы убеждены, что данный подход может положительно сказаться на восприятии данных явлений, что позволит зафиксировать бинарное противостояние двух идеальных типов на едином векторе. Так жесткие категории превращаются в полюса, при этом открыв дорогу для

³⁸ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

³⁹ Linz H., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Euro e. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1996. P. 38

частного и особенного. Думается, что данная дихотомия должна быть ориентирована не на конкретную оценочную характеристику того или иного режима, но должна стать горизонтальной осью со скользящей меткой, дабы таким образом то или иное действие политического руководства могло быть квалифицировано в соответствии с данным противопоставлением. Добавим, что на наш взгляд, в условиях этого движения чрезвычайно актуальным является тезис, приписываемый Эдуарду Бернштейну: «Движение – все, цель – ничто», который во фривольном толковании служит подтверждением мысли о перманентной трансформации структур, в нашем случае: политического режима. Не идеальные типы, но тенденции в развитии. Ни 0 и 1, а - ∞ и + ∞ .

Но дихотомия видится лишь начальной ступенью, поскольку она только задает рамки для последующих изысканий.

Обращение к типологизации как к последующей ступени абстрагированного упорядочения реальности обязывает нас раскрыть обусловленность этого шага. В процессе познания социальной действительности человек обращается к упорядочению образов и форм с опорой на устоявшиеся представления. Одной из разновидностей такого структурного построения является типология. Типологические построения как формы осмысления сущего – есть отображение реальности в конструкте, что возможно благодаря обнаружению присущих явлениям или объектам свойств⁴⁰. Именно в свойствах заложена самость – наполнение. Обращение к этим свойствам в процессе осмысления может являться почвой для сопоставления явлений или объектов. Типология представляется нам продуктом сознательного допущения, которое зиждется на понимании относительности соответствия категорий познания категориям бытия. Это *сознательное допущение* есть осознание неполной в каждом отдельном случае адекватности соответствия познания бытию. Типология представляется нам новым уровнем обобщения. Это своего рода ревизионизм

⁴⁰ Sommers F. Types and Ontology. The Philosophical Review, Vol. 72, No. 3 (Jul., 1963), pp. 327-363

дихотомии: расширение горизонтов при том, что мы остаемся в искусственном пространстве обобщений. Задача типологии не только описывать, но и объяснять политическую действительность. Важной особенностью типологического построения является некоторая отрешенность от действительности. Она тяготеет к замкнутости, что проявляется в ее статичности, но это проблема не столько типологии, сколько любого построения. Типология выстраивается на медианных (серединных) случаях, которые при этом имеют необходимый заряд самости, что позволяет выделить их компаративистам на всем спектре. Типология видится нам заложником ситуации, поскольку само ее существование обязывает ее быть исчерпывающей в отношении наличествующего знания. Однако в целом типология не может быть исчерпывающей поскольку она всегда вторична действительности и это важно понимать. Она существует как субъективная, во многом зависящая от творческого потенциала автора, модель, которая прежде всего призвана упорядочить существующую реальность.

Развивая тему творческого потенциала автора отметим, что мы придерживаемся того мнения, что за рассуждениями всегда стоит субъект, чье миропонимание детерминировано несчетным количеством разнородных сюжетов, что в своем единстве хаоса и рождает упомянутый выше субъект. В этой связи уместно думать привести суждение Сомерсет Моэма: «Знание людей – вообще дело трудное, а по-настоящему знать можно, мне кажется, только своих соотечественников. Ведь ни один человек не существует сам по себе. Люди – это и страна, где они родились, и ферма или городская квартира, где они учились ходить, и игры, в которые они играли детьми, и сплетни, которые им довелось подслушать, и еда, которой их кормили, школа, где их обучали, спорт, которым они увлекались, поэты, которых читали, и Бог, в которого верили. Все это и сделало их такими, как они есть,

и все это нельзя усвоить понаслышке, а можно постичь, только если сам это пережил. Если это часть тебя самого»⁴¹.

Типология как метод структурирования категорий познания предполагает ориентацию на выдержку баланса⁴². Склонны полагать, что на любую структуру в гуманитарном знании может найтись своя аномалия. С.Ф. Хантингтон в своей работе: «Столкновение цивилизаций», затрагивая вопрос о систематизации политического мышления в рамках парадигмы мировых взаимоотношений, обращает внимание на то, что парадигма с одной стороны не должна быть громоздкой, поскольку чрезмерная конкретизация может привести к дезориентации, а с другой – не должна примитивизировать структуру, что может привести к значительным упущениям. Таким образом, обозначив проблему поиска наиболее корректного для ситуации подхода между двумя крайностями, С.Ф. Хантингтон приходит к заключению о необходимости баланса, предусматривающего сознательное допущение: «карта, которая одновременно и отображает, и упрощает реальность таким образом, чтобы это лучше всего подходило нашим целям»⁴³.

Касаясь критики типологии как структуры, обратимся к приведенному Теодором Адорно перечню критических тезисов в отношении «концепции типологии»⁴⁴, что было нами фрагментарно заимствовано, не смотря на то, что по сути это именно критика типологии применительно к психологии. Однако ряд перечисленных моментов касается не столько типологии как метода психологии, сколько типологии вообще. Типология не удовлетворяет тем, что не улавливает единичного (особенного), а выдвигаемые ей обобщения не основаны на «продуктивном эвристическом инструментарии». Развивая тему эвристической ценности типологий, Адорно Т. указывает на их взаимное наложение друг на друга и «необходимость конструирования

⁴¹ Моэм У.С. Острие бритвы. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2007. С. 10

⁴² Матросова Н. К. Онтологические модели целостности и типологии // Философские науки. 2013. № 10. С. 52-64

⁴³ Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 28-30

⁴⁴ Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход (фрагменты из «Авторитарной личности») / Социологические исследования. 1993. № 3. С. 75-85

«смешанных типов»», что по итогу могут противоречить начальным построениям, присущих «чистым» типам. В качестве подтверждения можно привести мнение классика по вопросу конструирования типологий недемократических режимов Х. Линца признающего, что классификация стоит на идеальных типах, однако на практике режимы соответствуют одному или нескольким типам идеального режима, что вдобавок является почвой к возникновению новых идеальных типов⁴⁵. Венцом этой критики, по мнению Т. Адорно, становится упрек за нежелание применять жесткие концепции к жизненному процессу. Здесь же думается уместно обозначить проблему определения критериев, на которых типология и протраивается, и что в свою очередь неизменно вызывает множество нареканий по вопросу о субъективности в отборе критериев. Проблема критериев определения режима, как нам кажется очень характерно была обозначена Б. Геддес. Если исследователи Латинской Америки, как правило, придерживаются мнения, что Мексика, по крайней мере, до 1996 года авторитарна, то большинство африканских специалистов относят Ботсвану, Сенегал и даже Зимбабве к государствам с демократическими режимами⁴⁶.

Вынуждены обозначить, что в отечественной политологии встречаются некоторые расхождения по вопросу о разграничении дефиниций: «классификация» и «типологизация» применительно к политическим режимам. Обращаясь к мировому опыту, приведем рассуждения Догана М. и Пеласси Д.: «Хотя в социологической литературе и существует на этот счет определенная неясность, тем не менее представляется возможным установить это различие: так, класс является эмпирической категорией, тогда как тип – это концептуальная категория. Так, идя по улице, можно легко отличить молодых от пожилых, мужчин от женщин, высоких от людей низкого роста. Но невозможно с такой же легкостью выделить среди них

⁴⁵ Francisco, R.A. Totalitarian and Authoritarian Regimes. By Juan J. Linz / R.A. Francisco // Contemporary Southeast Asia. – 2001. – Vol. 23, №1. – P. 186

⁴⁶ Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? / Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999, no. 2, pp. 119

интровертированных и экстравертированных индивидов, отличить оптимиста от пессимиста, индивида, который принимает решения в соответствии со своими убеждениями, от того, кто поддается внешнему общественному воздействию»⁴⁷. В отечественной политологии наиболее основательно вопрос о соотношении классификации и типологии поднимает В.А. Ачкасов. Так, говоря о типологизации, автор выделяет три ее разновидности: 1) классификация – представляет собой распределение объектов по взаимоисключающим классам, основанным на избранном принципе или критерии; 2) типология – это распределение по совокупности признаков, а то есть на базе сочетания более чем одного критерия, где под типом понимается конкретный сложный признак; 3) таксономия — способ классификации и систематизации сложноорганизованных сфер действительности, имеющих обычно иерархическое (соподчиненное) строение⁴⁸.

Не смотря на то, что в целом позитивным сигналом видится постановка вопроса о нетождественности классификации и типологии, автору, как нам кажется, не удалось раскрыть смысл различий, поскольку сам автор говоря о политических режимах систематически употребляет именно слово «классификация», вместо казалось бы более уместного «типология», вдобавок ко всему не совсем понятно как классификация может быть разновидностью типологии, а таксономия быть классификацией, которая при этом по словам автора занимает промежуточное положение между классификацией и типологией, хотя очевидно сложнее. Таким образом, на наш взгляд, проблема разграничения во всяком случае в отечественной политологии вынуждено остается нерешенной.

Возвращаясь к проблеме типологизации политических режимов отметим, что ключевым моментом является проблема критериев, поскольку однозначного мнения по данному вопросу не наблюдается. Другой момент, который думается необходимо обозначить, это проблема

⁴⁷ Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. С. 178

⁴⁸ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 131

политизированности типологизации. Как отмечает Оксана Степановна Березкина «то или иное обозначение режима влечет за собой его морально-политическую оценку и может служить основанием направленных против него конкретных действий»⁴⁹. Березкина О.С. «Классификации политических режимов: историография вопроса». В свою очередь В.А. Ачкасов, говоря об основных запросах, предъявляемых к типологии, выделяет два «основных исходных требования»: быть внутренне связанной, логически последовательной и быть максимально соответствующей эмпирическим данным, быть эмпирически адекватной⁵⁰. Таким образом, главная сложность в процессе создания типологии заключается в том, чтобы добиться адекватного сочетания указанных требований.

Говоря о типологии вне контекста заданной темы, считаем важным обозначить принципиальную характеристику типологии, как и любого другого умственного построения, что Н.К. Матросова определяет как «безвременность»: «типологические построения тяготеют к объектам, утратившим динамизм», что за счет своей устойчивости способны «противостоять эрозии времени». При этом, говоря о типологии политических режимов, мы склонны определять режимы как явления с присущей им высокой изменчивостью, которая в свою очередь наличествует как следствие постоянного и во многом хаотичного потока интересов страт, имеющих возможность влиять на режим.

Функционирующий политический режим как анализируемая структура динамичен, его содержание раскрывается в рамках длящегося настоящего, что затрудняет попытки его анализа и идентификации. Тогда как обращение к режиму, окончивший свой цикл существования, допускает возможность для более четких обобщений посредством обращения к ретроспективному анализу. В процессе анализа режима функционирующего исследователя подстерегают некоторые риски: нестандартное проявление (поведение)

⁴⁹ Березкина О.С. Классификация политических режимов: историография вопроса // Исторический журнал: научные исследования, 2014. № 2 (20). С. 143-156

⁵⁰ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 132

режима в связи с некоторой ситуацией в настоящем может стать почвой для восприятия произошедшего как аномалии, что не вписывается в определение. Здесь же кроется проблема ангажированности в трактовке, которая в зависимости от обстоятельств способна искусственно раздуть значимость. Также определенный риск кроется в самом выявлении типических признаков, поскольку, как отмечает Н.К. Матросова: «... за типологически значимые характеристики объекта могут приниматься такие характеристики, которые в дальнейшем окажутся незначительными или даже случайными». «Образно говоря, типология требует «зрелости» материала и оказывается успешной в применении к тем объектам, которые в своем функционировании постоянно воспроизводят отдельные структурные характеристики и отношения без существенных изменений»⁵¹.

Задавшись вопросом о причинности наличия множества разнообразных подходов к классификации политических режимов, Григорий Васильевич Голосов обращает внимание на следующие причины:

1. «Классификации режимов конструируются в контексте более широких теорий, разделяемых исследователями», чьи положения могут противоречить друг другу по тем или иным вопросам.

2. «Построение классификации редко выступает как самостоятельная исследовательская задача», тогда как в большинстве случаев типологизация представляет собой средство, но не конечную цель, что непременно ведет к тому, что характер основной проблемы отпечатывается на типологии, негативно сказываясь на ее самостоятельности.

3. «Классифицировать политические режимы способом, который удовлетворил бы все научное сообщество, - чрезвычайно сложная задача». Отметим, что эта причина, как нам кажется, вполне последовательно проистекает из первой, поскольку причиной к потенциальному неприятию служит мнениевый плюрализм, основанный на восприятии некоторой

⁵¹ Матросова Н. К. Онтологические модели целостности и типологии // Философские науки. 2013. № 10. С. 52-64

теоретической платформы, что, однако ни в коем случае не дискредитирует данную причину как нецелесообразную.⁵²

Голосову Г.В. вторит Валерий Алексеевич Ачкасов, повторив вышеизложенные причины, Ачкасов В.А. добавляет в качестве четвертой причины многообразие форм авторитарных режимов, что неизбежно ведет к созданию более дифференцированных типологий⁵³.

В целом же предъявляемые к классификации требования Голосов Г.В. сводит к двум составляющим: теоретическая последовательность и эмпирическая адекватность, каждая из которых служит не только цели описать, но и объяснить.

Приведенная Г.В. Голосовым типология политических режимов, оцененная по достоинству, во всяком случае, в отечественной политологии, по признанию автора, ориентирована на максимальный охват всего доступного многообразия «политических форм», в чем и заключается ее достоинство⁵⁴. Приводя данную классификацию⁵⁵, мы преследуем целью в полной мере отразить рассуждения автора, однако вынуждены ограничиться лишь выведением основных определений, что, на наш взгляд, не должно стать помехой к сознанию вкладываемой мысли автора в концепт. При этом мы сознательно упускаем описание либеральной демократии, т.к. данная типология интересна нам прежде всего в контексте дифференциации авторитарных проявлений.

Первое измерение есть *характер борьбы за лидерство* между группами властвующей элиты, что может носить *открытый и законный характер*. Где характер определяется по факту наличия/отсутствия специальных процедур, позволяющих выявить победителей и побежденных. Примером тому может служить наличие выбор и допущение деятельности оппозиции как показатель

⁵² Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С. 69

⁵³ Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 143-144

⁵⁴ Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С.66

⁵⁵ См. Приложение 1

открытого характера режима и наоборот, запрет оппозиционной деятельности при наличии института наследуемой власти как показатель закрытого характера.

Второе измерение представляет собой *разграничение элиты по признаку наличия/отсутствия внутренней дифференциации* и применяется автором только к закрытым режимам. Данный показатель отражает степень разделения политических (в широком понимании) функций.

Третье измерение есть уровень участия масс в политике, что в той или иной степени способны влиять на процесс принятия решений. Таким образом, Г.В. Голосов предлагает разграничить режимы в зависимости от степени включенности масс в политическую жизнь на включающие и исключающие соответственно.

В соответствии с данной классификацией мы получаем, как пишет Г.В. Голосов: «шесть основных «семей» политических режимов».

Традиционный режим: закрытый, с монолитной элитой, исключающий.

Под традиционными режимами автор понимает всю совокупность режимов, характерных для традиционных обществ, начиная с древности и до наших дней, где закрытый характер проявляется в наличии, как правило, института наследования власти. Легитимность действующей власти основывается на богоизбранности, или подкрепляется ей, а экономическая элита есть элита властвующая, что характеризуется своей монолитностью (преимущественно сословный характер). При этом основная часть населения представлена крестьянством, что в принципе и соответствует пониманию традиционного общества. В качестве примера Г.В. Голосов приводит Саудовскую Аравию, большинство княжеств Персидского залива, Бутан, Бруней, Свазиленд.

Соревновательная олигархия: открытый, исключающий режим.

Рождение режима, именуемого соревновательной олигархией, как утверждает автор, есть следствие модернизационного процесса, а точнее –

расширение числа власть имущих за счет вливание в некогда монопольную элиту новых имущих классов, обязанных своим статусом не сословию, но собственному успеху. Таким образом, ключевым отличием данного режима от традиционного является дифференциация элиты, что в целом характеризуется автором как крупный социальный сдвиг. В качестве пример автор приводит период функционирования политической системы Англии с 1688 до 1832 г., как время открытой борьбы за власть между коалициями имущих слоев, при существенном ограничении возможностей основной массы каким-либо образом повлиять на ход выборов или политику в целом. Иной пример: соревновательные олигархии в странах Латинской Америки XX в., где проявления демократии сведены к их формальному провозглашению, а власть сосредоточена в руках все тех же неформальных институтов. Важным условием к существованию данной разновидности режимов Г.В. Голосов называет пассивность социальной базы, что является лишь фоном к истинному противостоянию, разворачивающемуся между группировками экономических элит.

Авторитарно-бюрократический режим: закрытый, с дифференцированной элитой, исключаящий.

Данная разновидность характерна своеобразная коалиция между бюрократическим аппаратом и военными, как заинтересованными в сохранении государственности прослойками, в противовес разрастающимся претензиям экономически привилегированных классов. Среди важных черт данного типа автор особенно выделяет популизм (социальная демагогия) как средство консолидации общества. Г.В. Голосов, обращаясь к термину «бюрократический авторитаризм», введенному Г. О'Доннеллом, обосновывает потенциал распространения данного определения на более широкий спектр режимных проявлений. Приводя в качестве примера опыт императора Наполеона III, чьей опорой выступали вооруженные силы и бюрократический аппарат.

В свою очередь данный тип применительно к реалиям «третьего мира» в XX в. может проявляться в двух формах:

А) Военный режим автор характеризует как форму авторитарного правления, при которой власть либо прямо принадлежит военным, либо последние выступают в качестве основной опоры формально гражданской администрации. Личные диктатуры Аугусто Пиночета в Чили или Иди Амина в Уганде, и иные всевозможные проявления диктатур, пусть и приходят под благовидным предлогом, вроде мессианского спасения нации, на деле же в своем большинстве демонстрируют обнищание масс при новом расцвет коррупции, при истреблении несогласных под опять таки благовидным предлогом стабилизации в условиях давления из вне.

Б) Популистский режим представляется результатом политического пробуждения масс, которые посредством обращения к избирательной процедуре фактически способствуют приведению ко власти группы, апеллирующей к актуальным для населения проблемам и выступая при этом в амплу спасителя, борющегося за все хорошее, и разумеется против всего плохого, но на деле ориентированного на интересы привилегированных слоев, в опоре на бюрократию, как уже отмечалось выше. Для таких режимов характерно наличие одной партии, что декларирует своей главной целью обеспечение государственного развития при обращении к максимально контрастной популистской фразеологии, примером чему может послужить опыт манипулирования общественным сознанием через СМИ в Колумбии в период пребывания у власти Национального фронта (1958—1974), что был проанализирован С.А. Айала Диаго⁵⁶. Помимо этого весьма характерным для популистских режимов является наличие института культа личности, что в зависимости от обстоятельств приобретают различные воплощения.

Эгалитарно-авторитарный режим: закрытый, с монолитной элитой, включающий.

⁵⁶ Ивановский З.В. Политический дискурс и манипуляция общественным сознанием // Латинская Америка. – 2009. № 12. С. 96–101

Данная разновидность режимов, как правило, проистекает из реализации идеологий, ориентированных на преодоление неравенства. Идеология в целом занимает, вероятно, центральное место в существующем дискурсе, ориентированном на воспроизведение гомогенного общества. В качестве примера такого режима Г.В. Голосов приводит Советскую Россию 1917 г., что встала на путь воплощения переосмысленных постулатов основоположников марксистского понимания социализма. Автор констатирует: «Важнейший признак эгалитарно-авторитарного режима - ломка отношений собственности, нередко приводящая к полному устранению землевладельческой и частнопредпринимательской элит». При том, что эгалитарно-авторитарный режим, как и популистский, своим становлением обязан политизацией масс, в корни отличается от последнего тем, что своей целью имеет радикальные преобразования существующего устройства. Свою опору данная разновидность режима находит в воспроизведении монолитной элиты при сосредоточении экономики под власть государства, находящегося в управлении партии, т.е. этой самой монолитной элиты.

Авторитарно-инэгалитарный режим: закрытый, с дифференцированной элитой, включающий.

Данная разновидность вырисовывается Г.В. Голосовым на фоне противопоставления эгалитарных режимов, что характеризуются упором на социальную справедливость, в то время как инэгалитарные режимы создаются на идее неравенства. Не стремясь к радикальному преобразованию отношений собственности, они скорее тяготеют к навязыванию патроната экономически привилегированным слоям. В качестве особенности данного типа, автор выделяет и преклонение перед харизматическим лидером – вождем. Примерами таких режимов являются Италия времен правления Б. Муссолини, Германский рейх при А. Гитлере.

Важно, думается, обозначить проблему разграничения двух последних типов, т.к. оно не представляется нам убедительным. Не совсем понятно, о

каком эгалитаризме идет речь, когда государство формулирует повестку в духе ликвидации целого класса. Как Германский рейх отказался от ненужных граждан по религиозному, физиологическому критериям, так и Советская Россия встала на путь отказа от людей с опорой на классовую дифференциацию, что прослеживается даже на уровне повседневном, иллюстрацией чему может послужить описание распределительной системы в условиях военного коммунизма, продемонстрированное Натальей Борисовной Лебиной⁵⁷.

Вследствие чего мы делаем вывод, что декларируемый эгалитаризм являет собой не столько следствие реализуемой программы, сколько желаемый результат, на фоне перераспределения собственности с той или иной степенью революционности.

Применительно к обозначенной проблеме и в защиту данной классификации отметим, что ключевой характеристикой является не эгалитарность/инэгалитарность, но наличие дифференцированной элиты, что однако тоже видится нам не бесспорным утверждением.

Важно понимать, в вопросе типологии политических режимов в настоящее время существует огромное множество всевозможных разграничений в соответствии с авторскими изысканиями. Так, например Дибиров Н.З. в своей статье «Теоретические основы типологии политических режимов»⁵⁸ приводит классификацию политических режимов, где критерием становится степень мобилизации в условиях, когда политический режим по каким-то причинам вынужден пересмотреть свой обычный режим функционирования в пользу изменившейся ситуации. Сам автор определяет эти режимы как «относительные», проявляющиеся лишь вследствие «отклонения от нормального режима функционирования» политической системы. Политические режимы, о которых идет речь, можно назвать

⁵⁷ Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Наталия Лебина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

⁵⁸ Дибиров, Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // Русский Либмонстр. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

относительными политическими режимами, поскольку они определяются лишь как отклонения от нормального режима функционирования той или иной политической системы. Сам же спектр обозначен следующим образом: «сверхмобилизационный (тотальный) режим – мобилизационный режим – нормальный режим – либеральный режим – сверхлиберальный (анархический) режим». Также автор приводит иную типологию, которую он также определяет как относительную. Однако здесь критерием становится то, что мы бы могли определить как восприимчивость режима к прогрессивным веяниям (в широком смысле), исходящих от опыта достигших успех в некоторых сферах стран. Вариантами в данном случае являются такие определения как: прогрессивны, консервативный и реакционный, где прогрессивный режим характеризуется как «стремящийся догнать или опередить свое время», консервативный режим Дибиров Н.З. определяет как «сопротивляющийся переменам» и соответственно реакционным является тот режим, который «стремится повернуть вспять политическое развитие своей страны». Большое значение имеет то, с чем производится сравнение. В этом смысле, как правило, объектом для сравнения является либеральная демократия, поскольку именно она концентрирует в себе всю совокупность прогрессивной политической мысли и выступает в качестве образца для развития остального мира. В этой связи уместно упомянуть рассуждения Ф. Фукуяма⁵⁹ по вопросу о конце истории, что автор развивает как идею финальной стадии развития человеческих изысканий в области поиска идеального общественного устройства, где человек должен был стать ключевой ценностью. Возвращаясь к теме отметим, что прогрессивны и регрессивны режимы не сами по себе, но лишь относительно объекта сравнения, вследствие чего Дибиров Н.З. и обозначает их как *относительные*⁶⁰. То же касается и предшествующей типологии. При этом

⁵⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990. № 3. С. 84—118

⁶⁰ Дибиров, Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // Русский Либмонстр. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

приведенные Н.З. Дибировым типологии могут выступать в качестве дополнения к существующей дихотомии «демократия-авторитаризм». С другой стороны тот же Дибиров Н.З. поднимает вопрос о необходимости отказа от устоявшейся дихотомии в пользу иного разграничения, где ключевым критерием становится своеобразные весы, где на одной из чаш расположены частные интересы индивида, а на противоположной – интересы государства. Таким образом, автор выводит иную картину, где спектр выглядит следующим образом: «анархия – либерализм – социал-либерализм – социализм – тоталитаризм». Данное построение имеет место быть, и по своей сути является неплохим подспорьем для дальнейших изысканий, однако оно своим существованием ни каким образом не снимает вопрос формы политического режима. Это один из критериев, который вписывается в установленную дихотомию, отличаясь при этом большей детализацией, но не радикальным противопоставлением.

Таким образом, в данной главе, что нами была предпринята попытка проследить развитие форм систематизации эмпирических данных, где основными средствами к рассмотрению являются дихотомия «демократия-недемократия» как первоначальная ступень этой систематизации, а также классификации и типологизации политических режимов. Ключевым моментом в любом построении является отбор критериев, в соответствии с которыми и осуществляется систематизация.

Глава 2. Авторитаризм как разновидность политического режима

2.1. Авторитаризм: сущность, критерии

Актуальность обращение к теме авторитаризма как категории политологии заключается в том, что в условиях когда демократия как явление имеет протяженную историю своего становления в политической науке, тогда как авторитаризм на фоне продолжающегося процесса теоретизации демократии по существу воспринимается как некая вторичная категория⁶¹, в условиях, когда несоответствующие стандартам демократии режимы принято относить к авторитарным⁶². На практике это находит свое отражение в слабой, по мнению многих исследователей, теоретизации авторитаризма. В некотором смысле вторичный характер авторитаризма отражает и его определение как *недемократического*; то есть он представлен как не ставший демократией и оттого другой. С учетом того, что демократии относительно всего мира в меньшинстве, при этом дифференцированы внутри группы по степени свободы в широком смысле, вполне обоснованной видится необходимость иметь представления о столь широком спектре проявлений недемократических режимов. Однако в этой «вторичности», на наш взгляд, скрывается некоторый познавательный потенциал, поскольку авторитаризм не будучи демократией естественным образом обладает рядом характеристик демократии не присущих, а следовательно тех, что делают его недемократией. Так, например, Роберт Даль, раскрывая свое понимание демократии, определял в качестве ее ключевой характеристики «непрерывная способность правительства реагировать на предпочтения своих граждан, которые в политическом отношении рассматриваются как равные»⁶³, наделенные неотъемлемыми правами. От себя добавим, что пусть характеристика и гипотетична, но она воспринимается как идеал, стремление к которому и есть процесс ваяния демократии.

⁶¹ Хайек Ф. А. ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.

⁶² Munck G.L. Democratic Theory after «Transitions from Authoritarian Rule». Perspectives on Politics, Vol. 9, No. 2 (June 2011), pp. 333-343

⁶³ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. под ред. С. Деникиной, В. Барановой. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. С. 6-7

Авторитаризм, прежде всего, понимается как разновидность политических режимов. В частности Е.Т. Гайдар определял авторитарные режимы как «политические структуры, которые не опираются ни на традиционную легитимацию, ни на принятую обществом процедуру формирования правительства и парламента на основе конкурентных выборов», «... внутренне нестабильны, что связано не с привходящими обстоятельствами или случайностями, а с их природой»⁶⁴. Определяя термин авторитаризм, исследователи, как правило, акцентируют внимание на его насильственной сущности⁶⁵. Однако в отличие от тоталитаризма, где насилие является, вероятно, основным методом влияния, авторитаризм в большей степени ограничен в обращении к данному ресурсу, т.к. общество не утрачивает потенциал для организации протестной и оппозиционной деятельности. Эта ограниченность побуждает режим обращаться к иным средствам влияния, среди которых идеология занимает далеко не последнее место⁶⁶.

Существование любого режима представляется нам борьбой за стабилизацию. Путь стабилизации недемократического режима – унификация общества, в отличие от демократических режимов, что декларируют *united in diversity* как самоценность. Мы придерживаемся того мнения, что суть демократии как теоретического концепта заложена в диалектической взаимосвязи двух явлений: конфликта/компромисса, где конфликт выступает в качестве импульса к развитию, что отличает демократию, тогда как конфликт в недемократической среде лишь провоцирует ретроградские тенденции и еще большее обособление властвующей элиты. Расширяя смысл слов Е.Б. Шестопал, отметим –

⁶⁴ Гайдар, Е.Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5. – С. 50-62.

⁶⁵ Цыганков А.П. *Современные политические режимы: структура, типология, динамика*. – М.: Интерпракс, 1995. С. 167

⁶⁶ Нисневич, Ю. А., Рябов, А. В. *Современный авторитаризм и политическая идеология*. – Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162-181

ценности демократии усваиваются ровно в той степени, в какой они соответствуют культуре – естественный отбор элементов демократии⁶⁷.

Для любого режима принципиально важным моментом остается доступ к сознанию гражданина⁶⁸ и трансляция выгодных первому ценностей – навязывание идеологием⁶⁹. Недемократический режим делает основную ставку на примитивизацию мышления с максимально четким разграничением плохого и хорошего – упрощение процесса восприятия массами ради формирования унифицированного общественного сознания⁷⁰. Добавим, что на деле к подобным манипуляциям прибегают не только режимы, обозначенные как недемократические, поскольку любое образование, если оно ориентировано на взаимодействие с обществом, стремится к созданию собственного положительного образа.

Демократичность политического режима определяется институционализированной ограниченностью власти. Степень независимости власти по отношению от своей нации, на наш взгляд, есть ключевой критерий для определения режима как недемократического. То есть в соответствии с этим критерием чем ниже эта зависимость, тем более авторитарным является режим. Теория демократии декларирует ориентацию последней на развитие у своих граждан политической культуры, что в теории должно породить ситуацию всеобщей ответственности и сознательного отношения к государству как к продолжению общества⁷¹. В свою очередь тоталитаризм исходит из идеи необходимости создания нового общества, что на практике достигается по средствам всепоглощающей механизации

⁶⁷ Шестопап Е. Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 25-28.

⁶⁸ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

⁶⁹ Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №30. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya>

⁷⁰ Доука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность, 2013. № 2. С.169-176.

⁷¹ Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность. 1993. № 2. – С. 69

общественной среды – уничтожение самости образующих его индивидов⁷². Тоталитаризм провозглашает идеал нового человека – человека системы. Граждане оказываются запертыми в определенном идеологизированном измерении, что способствует упрощению процесса эксплуатации человеческого капитала.

Однако вернемся к проблеме авторитаризма, что актуализацией самого слова обязан деятельности ученых Франкфуртской школы над проектом «Авторитарная личность»⁷³. Изначально авторитаризм как политологическое определение представлял собой некую промежуточную переменную между демократией западного образца и тоталитарным лагерем. Не смотря на, казалось бы, благую цель – проведение водораздела между двумя миропорядками, посредством внедрения новой дефиниции, на деле это вылилось в проблемный процесс корреляции в уже упомянутую трехчленку, эклектичных характер которой раскрывает в своей статье Дибиров Н.З., где в качестве первопричины этой эклектики, автор выделяет «неосторожное смешение понятий «государственный строй», «форма правления» и «политический режим»»⁷⁴. Справедливо усматривая корни авторитаризма в олигархии, Дибиров Н.З. констатирует, что это обусловлено идентичным пониманием правящих элит как собственников власти, что не обязаны ни перед кем отчитываться. «Авторитарный режим есть не что иное, как олигархический государственный строй, известный нам со времен античности».

Среди российских политологов интересен опыт выявления черт авторитаризма, осуществленный А.П. Цыганковым⁷⁵, с опорой на работу Рой Макридис⁷⁶. Так, по мнению автора, авторитарные режимы объединяет:

⁷² Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. – Пер. с болг. – М.: Изд-во «Новости», 1991. – 336 с.

⁷³ Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // СОЦИС. 1993. № 3. – С. 66-74.

⁷⁴ Дибиров Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // Русский Либмонстр. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

⁷⁵ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. С. 169

- ориентация на подавления политической оппозиции;
- тяготение к силе как средству в вопросе об урегулировании конфликтных ситуаций при отсутствии демократических механизмов контроля над государственными институтами власти;
- претензия на расширение своего влияния на потенциально оппозиционные институты и общество в целом;
- относительно слабая укорененность власти в обществе, что как следствие приводит к неспособности распространить свое всепоглощающее влияние на общество, хотя и при перманентном тяготении к этому;
- ориентация на расширение набора источников власти (от традиций до идеологии), как средство мобилизации элит и общества;
- относительная замкнутость правящей элиты, внутренне дифференцированной на противостоящие группы интересов.

Особое внимание среди этих черт А.П. Цыганков⁷⁷ уделяет слабой политической институционализации, что включает низкую степень легитимности данного режима, особенно в случае если режим начинает свое существование с государственного переворота.

Добавим по этому поводу и собственные рассуждения по вопросу о характеристиках авторитаризма. Особенно выделяется *практически полное отсутствие возможности оказания влияния на правящую элиту*, которая, по сути, не несет ответственности перед обществом, не говоря уже о каких-либо органах. На практике это может проявляться в концентрации власти в руках лидера и его приближенных, в ограничении роли представительной ветви власти, в ограничении деятельности оппозиции и просто политических образований, что способствует росту политического абсентизма. *Отчуждение власть предержащих от своего народа*. В случае развития кризисных тенденций четко обозначает себя грань между узурпатором и

⁷⁶ См. Приложение 2

⁷⁷ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. С. 178

народом. Перефразируя вывод Ю. А. Нисневича и А. В. Рябовой⁷⁸, отметим, что для авторитарных режимов высшей ценностью было и есть государство, а человек с его правами и свободами занимает низшую ступень в ценностной иерархии. Это отчуждение достигается благодаря *монополизации политической власти*, которая, по сути, становится исключительной зоной влияния правящей группы, из чего следует, что политическая альтернатива курсу недопустима. В свою очередь ограничение общественного движения снизу напрямую влияет на процесс формирования правящей элиты. Если в демократическом государстве предполагается, что движение гражданского общества снизу выталкивает на поверхность лидера – вертикальная мобильность, то в государстве победившего авторитаризма власть имущие придерживается несколько иного понимания путей ротации элиты.

Позволим себе краткое отступление: важно понимать, что сама либеральная демократия не обеспечивает абсолютную свободу выбора, поскольку граждане не определяют круг людей из которых им предстоит выбирать, что свидетельствует о подконтрольности демократии. Но поводья не могут находиться в руках народа в условиях непрямой демократии, и что немаловажно в силу абстрактности самой категории – народ (нация)⁷⁹. Нация по своей сути не может властвовать, т.к. она не гомогенна. В этом контексте вспоминаются рассуждения Р. Арона о монополизации власти ВКП(б) в постреволюционной России, которая заявила о себе как о единственном представителе воли угнетенного народа. По существу участие граждан в управлении государством весьма условно⁸⁰.

В продолжении темы, добавим, что здесь нас уместно упрекнуть за то, что ряд черт авторитаризма не был представлен. В свою защиту отметим, что нами был исключен ряд положений по причине того, что последние кажутся

⁷⁸ Нисневич Ю. А., Рябов, А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология. – Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 181

⁷⁹ Шумпетер Й. А. Капитализм, Социализм и Демократия – М.: «Экономика», 1995. 540 с.

⁸⁰ Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г. Семенов. – М.: «Текст», 1993. 303 с.

нам слабо состоятельными, что, однако, не означает, что о них следует попросту забыть.

Отсутствие единой государственной идеологии. Данная характеристика может быть уместна при ряде допущений и только в сравнении с тоталитаризмом, но не как самостоятельная характеристика, при условии что под идеологией в данном контексте мы подразумеваем именно государственную повестку. В целом мы придерживаемся мнения, что любое сообщество идеологично⁸¹, где идеология понимается как нечто большее, чем навязываемая система взглядов.

Часто авторитаризм характеризуют как режим, существующий за счет опоры на силу. Здесь же сразу возникает вопрос: разве демократия не опирается на применение силы? И как вообще может функционировать государство без силы⁸²? Реальные же различия здесь заключаются не столько в применении силы, сколько в отношении к собственным гражданам. Либеральная демократия в теории будет стараться не допустить того, чтобы индивид (необязательно это гражданин) пострадал. Что же касается авторитарного режима, то здесь мы обнаруживаем его беспринципность – в приоритете сохранение государства как средства извлечения выгод правящей элитой, но не забота о своем народе. Т.о. еще одной чертой может стать *большая в сравнении с либеральной демократией беспринципность в выборе средств влияния.* При этом следует учитывать, что данная черта логически проистекает из отсутствия демократических средств по оказанию влияния на правящую элиту, что соответствует одной из черт, приведенных А.П. Цыганковым⁸³.

Еще одна черта авторитаризма заключается в отказе от тотального контроля за обществом. Здесь четко прослеживается противопоставление

⁸¹ Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №30. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya>

⁸² Тилли Ч. Режимы и их оспаривание // Логос. 2008. № 6. С. 93-120.

⁸³ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. С. 170

тоталитаризму. Власть автократора отказывается от притязаний на *totalitas* в пользу сохранения приоритетных для себя зон. Однако проблему мы усматриваем в том, что на практике вторжение в частную жизнь граждан в той или иной степени допустимо всегда и везде, что опять же упирается в уже упомянутую беспринципность в выборе средств. Любой авторитарный режим по сути своей является потенциальным тоталитаризмом, что ограничен в силу широкого круга обстоятельств (от сознательности автократора до элементарного отсутствия почвы).

Подтверждение своих доводов мы усматриваем в рассуждении Н.З. Дибирова⁸⁴, который определяет черты авторитаризма следующим образом:

- Правящая группа не несет ответственности и не может быть лишена власти мирными средствами;
- Выборы и дискуссии используются только для придания видимости демократической законности;
- Основывают власть на требованиях, имеющих религиозный и/или националистический характер.

Подытожив отметим, что по нашему мнению принципиальной характеристикой авторитарного режима является отчужденность режима от нации.

Обращаясь к истории XX в., мы обнаруживаем, что социальная дезорганизация, как фактор, способствующий приходу к власти авторитарных режимов, связанная с ломкой традиционного общества, стала следствием невиданного доселе процесса урбанизации, к которому общество оказалось не готово. Зажиточные слои, что опасались революционных общественных преобразований, которые виднелись за форсированной политизацией низших классов, стали важнейшим фактором поддержки авторитарных режимов. В этом контексте уместно привести рассуждения Э.

⁸⁴ Дибиров Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // Русский Либмонстр. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

Фромма⁸⁵, который в своей работе «Бегство от свободы», рассуждая о приходе национал-социалистов к власти в Германии, склонялся к выводу, что проводником диктатур к власти стали низшие слои среднего класса, как наиболее уязвимая прослойка общества, зажатая между крупным капиталом, а с другой стороны – ростом политической активности рабочей массы.

Единство власти и общество представляет собой неотъемлемый ресурс для проведения модернизации, т.к. это единство обеспечивает собой необходимую стабилизацию для внедрения изменений. Затрагивая тему модернизации применительно к XX в. Игрицкий Ю.И.⁸⁶ со ссылкой на Р. Бендикса в своей статье касается проблемы бюрократизации, что влечет за собой подавление общественной инициативы. В условиях авторитарного режима лидерам принципиально важно уловить настроения тех групп, что настроены на преобразование, добившись при этом максимальной изоляции возможных противников нового курса, что, как уже отмечалось, ведет к росту политического абсентизма в государстве.

Для этой разновидности политического устройства чрезвычайно важно быть восприимчивой к времени и общественным настроениям, поскольку авторитарным тенденциям нужна почва. Практика показала, что актер, воплощающий собой авторитарные тенденции, приходит к власти в условиях утраты стабильного положения в обществе. В условиях напряженности масс популистские лозунги будучи воспринятыми, дают невероятные всходы. В этих условиях потенциальный автократор является как мессия.

Затрагивая проблему лидерства, важно понимать, что запрос на лидера в обществе в той или иной степени, но присутствует постоянно. Любой лидер это всегда продукт времени. Лидерство это всегда ответственность. Однако на практике складывается парадоксальная ситуация, когда ответственность вторична по отношению к личным стремлениям, где власть становится ценностью сама по себе. Ашин Г.К., анализируя проблему политического

⁸⁵ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Пер. с англ. – М.: Издательство «АСТ». 2006. – С. 571.

⁸⁶ Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. – С. 172-189.

лидерства, приходит к парадоксальному заключению: «власть лучше доверять тому, кто ею хотя бы отчасти тяготится»⁸⁷. В качестве иллюстрации интересно обратиться к словам Гаман-Голутвиной О.В., которая, формулируя характеристику политического лидерства в постсоветской России, отмечала: «Произошла приватизация не только государства, но и статуса элиты. Из носителя миссии она стала частным субъектом»⁸⁸.

Для понимания любого режима важно классифицировать лидера. В условиях авторитарного режима, когда лицо претендует на определение траектории развития государства, анализ этого лица если и не способен пролить свет на определенные черты режима, то, во всяком случае, внесет существенный вклад в расширение проблематики классификации режима.

В вопросе типологии политического лидерства уместно обратиться к классификации политического лидерства, предложенной М. Вебером⁸⁹: 1. Традиционное, что основано на силе традиций; 2. Бюрократическое – лидерство, обосновывающее свое право разумностью и целесообразностью для развития системы. 3. Харизматическое лидерство возникает как следствие кризисных явлений в обществе. При этом М. Вебер отмечает, что со стабилизацией системы харизма изменяется в нечто традиционное, поскольку по факту стабилизации, на что также наслаивается отпечаток времени, происходит «рутинизация харизмы».

И традиционное, и бюрократическое лидерство функционируют в стабилизированной ситуации, что обуславливает их определение Вебером М. как рутинных. Но харизматический лидер индивидуальность – индивид, выделяющийся своей исключительностью. Исследователи констатируют⁹⁰, что в странах третьего мира после антиколониальных революций политологи

⁸⁷ Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // *Общественные науки и современность*. 1993. № 2. С. 72

⁸⁸ Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // *Вестник МГИМО*. 2010. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtoritarizm-razvitiya-ili-avtoritarizm-bez-razvitiya-sudby-modernizatsii-na-postsovetskom-prostranstve>

⁸⁹ Вебер М. Харизматическое господство // *Социологические исследования*. 1988. № 5. С. 134-138

⁹⁰ Нисневич Ю. А., Рябов, А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология. – *Политические исследования*. 2016. № 4. С. 179

наблюдают эволюцию традиционного лидерства в харизматическое, взявшего миссию модернизации общества. Любой лидер в той или иной степени харизматик. Однако харизма лидера, как отмечал М. Вебер⁹¹, безусловна. Важно понимать, что харизма элемент не только врожденный, но и доступный для приобретения. Так, например, должность президента как институт власти сама по себе обладает некой силой авторитета, что возвышает ее обладателя. В своей статье Ашин Г.К. делится наблюдением: «Можно сформулировать следующую закономерность или по меньшей мере тенденцию: чем менее развита политическая система, тем большую роль в ней играет харизматическое лидерство»⁹².

В своем рассуждении мы не станем углубляться в вопрос о стилях политического лидерства, выделяемых современными исследователями, и ограничимся лишь их перечислением и краткой характеристикой. Классическую дихотомию «авторитарного» и «демократического» стилей разбавляет стиль «попустительский». Авторитарный стиль характеризуется жесткостью управления с четко пристраиваемой вертикалью подчинения. Авторитарный лидер – это владелец монополии на внимания членов группы, что, прежде всего, характеризуется властью. Демократический стиль, будучи антагонистом по отношению к авторитарному, идет по пути взаимного уважения, доверия и сотрудничества. Попустительский стиль сводится к стремлению лидера максимально отстраниться от самостоятельного принятия решений. Здесь же важно оговорить, что данная классификация не претендует на исчерпывающий характер в описании того или иного лидер в условиях, когда практика всегда богаче рамочных концепций. Важно уразуметь, что любой из приведенных стилей руководства

⁹¹ Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5. – С. 134 – 138.

⁹² Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность. 1993. № 2. – С. 115-126.

на деле может играть позитивную роль, т.к. конкретная ситуация порождает конкретный запрос⁹³.

Вне зависимости от того каким образом сформировался авторитарный режим (будь это захват власти или же легитимные выборы) роль насилия как потенциального средства не утрачивает своей актуальности. Право сильного – основа легитимации институтов существующего режима. Однако применение силы не панацея, но скорее трясина, увязнув в которой пойти на попятную будет уже проблематично. Насилие не обеспечивает стабильность на постоянной основе.

Основная причина неустойчивости авторитаризма сводится к отсутствию легитимности – здесь нет ни традиции, ни закона. Е.Т. Гайдар подчеркивает, что лидеры авторитарных режимов сохраняют за собой уверенность, что они пришли навсегда, при этом окружение сознает нестабильность своего положения. Нестабильность влияет на развитие коррупции и ряд злоупотреблений, что объясняется сознанием правящими кругами ситуации краткосрочной перспективы⁹⁴.

Мы уже отмечали, что авторитаризм порождает ситуация кризиса как дестабилизация политического устройства. Е.Т. Гайдар по этому вопросу писал: «Именно необходимость концентрации усилий на экономическом развитии, преодолении отставания от передовых государств – основа идеологических построений, которыми авторитарные режимы оправдывают свое существование»⁹⁵. Однако уже здесь прослеживаются будущие подводные камни – быстрый экономический рост представляет собой продукт модернизации, что идет рука об руку с развитием образования, которое в свою очередь предвещает распространение демократических воззрений в обществе, что в свою очередь неминуемо нанесет удар по

⁹³ Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301

⁹⁴ Гайдар Е. Т. Гибель империи : уроки для современной России. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2006.

⁹⁵ Гайдар Е.Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // Общественные науки и современность. 2006. № 5. – С. 53.

существующему балансу. Рост благосостояния общества – это прямой путь к развитию политической сознательности – путь развития либеральной демократии. Развитие образование подрывает базу устойчивости недемократических режимов. Низкий уровень образования населения в определенном смысле позитивно влияет на стабильность внутривластного климата. Как правило, авторитарный режим являет собой выбор зон периферии, что в большей степени восприимчивы к популистским лозунгам, нежели чем центр, воплощающий собой бастион интеллектуальной элиты.

Рост уровня развития прямо пропорционален росту спроса на права и свободы в обществе⁹⁶. В этих условиях авторитарный режим в целях стабилизации ситуации обращается к своему последнему ресурсу – силе. Важно понимать, что подъем недовольства – вопрос времени и обстоятельств. Именно нелегитимность существования режима становится важным козырем в руках оппозиции. Авторитарный режим стремится к недопущению граждан до участия в политической жизни государства, что на практике может проявляться в демонстрациях, митингах, пикетах, подаче петиций и мн. др. Проблема кроется в том, что искоренение оппозиции, которая вскрывает актуальные проблемы, с большой вероятностью может привести к утере властью механизмов обратной связи с населением. Так гибель режима становится вопросом времени.

В своей статье Е.Т. Гайдар выделяя ряд «механизмов краха» авторитаризма, которые на наш взгляд было бы уместнее обозначить как **катализаторы** гибели⁹⁷.

1. Падение автократа – смерть правителя – в условиях персоналистского режима – в начало нового витка в развитии государства,

⁹⁶ Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301

⁹⁷ Гайдар Е.Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // Общественные науки и современность. 2006. № 5. – С. 56.

т.к. авторитарный лидер по сути своей представляется лицом режима. Гибель лица сопровождается гибелью государства.

2. Военное поражение способно поспособствовать эскалации внутреннего конфликта;

3. Информатизация мира. Здесь вероятно автор подразумевал распространение демократических ценностей в эпоху глобализации;

4. Межнациональные конфликты в условиях многонационального государства;

5. Экономический кризис. Кризис толкает правительство на непопулярные меры в числе которых сокращение бюджетных расходов, повышение налогообложения и т.д.

6. Иные варианты;

Для нас особый интерес представляет пятый механизм. Экономический кризис представляется последним аккордом для изживающего себя авторитарного режима, у которого нет ни социальной поддержки в обществе, ни возможность применить силу. Утративший легитимность режим лицом к лицу сталкивается с общественным неприятием, что обличено в лозунг борьбы за справедливость. Дефицит доверия к политическому лидеру в условиях нестабильности есть не что иное, как опасность для существующего равновесия политической системы. В частности Б. Геддес констатирует, что ухудшение экономических показателей увеличивает вероятность авторитарного развала⁹⁸.

Сама по себе гибель режима не моментное явление – она вызревает в течение определенного периода времени. Недовольство же возрастает в ожидании толчка. В попытке сохранить свою власть лидер может прибегнуть к насилию, что является наиболее радикальной мерой. Однако и здесь все не так просто: чем глубже кризис, тем больше вероятность того, что силовые

⁹⁸ Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? / Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999, no. 2, pp. 117

структуры, на которые уповает в своих действиях автократор, могут выразить свою нелояльность в отношении лидера.

Проблема иного характера сводится к тому, что эйфория от победы над режимом перерастает в анархию. Всеобщий подъем нарушает процесс повседневного функционирования государства. Падение закона и порядка, что раньше воплощал собой правитель, порождает хаос и радикализацию общества. Не стоит забывать, что легитимация насилия властью не прихоть автократора, но элемент любого государства⁹⁹, что направлен на поддержание общественного порядка. Власть – это неотъемлемый компонент любого государства. Отсутствие же этой власти неминуемо влечет за собой хаос.

Победа конкурирующей группы – новой элиты, пришедшей к власти в результате кризиса прежнего режима, а т.е. нелегитимным путем, не может *de facto* гарантировать развития государства в русле демократической традиции, поскольку фактически происходит начало нового цикла, идентичного предыдущему – кризис и спаситель от кризиса. Можно предположить, что лучший в таком случае путь развития демократической традиции это постепенная демократизация сверху (при существовании запроса на демократизацию в обществе), дабы избежать революционного подъема и обеспечить мирную перестройку государственного аппарата, однако важно помнить, что процесс демократизации, как констатирует Б. Геддес, сильно варьируется от случая к случаю¹⁰⁰.

Своего рода проблемой видится нам поиск стратегии выхода лидера режима и его ближайших соратников из политической игры без угрозы для своего состояния и жизни. Судьба Муаммара Каддафи страшная иллюстрация сущности толпы. Интересную закономерность выводит Ашин Г.К.: степень развитости политической культуры коррелируется с отношением масс к предшествующему правителю: соответственно высокая

⁹⁹ Тилли Ч. Режимы и их оспаривание // Логос. 2008. № 6. – С. 93-120.

¹⁰⁰ Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? / Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999, no. 2, pp. 118

политическая культура обеспечивает если не уважение, то как минимум нейтралитет; противоположные результаты показывает общество с низкой политической культурой¹⁰¹.

Затрагивая проблему развития авторитаризма в условиях эскалации кризисных тенденций уместно рассмотреть возможные варианты поведения режима. Демократизация – на ранних стадиях общественного недовольства: уступки способны привести к выведению консенсуса между противостоящими группами элит. Однако не каждый готов пойти на жертвы в виде собственных привилегий, что обуславливает второй вариант – «закручивание гаек», способное сбить общественную напряженность, что, однако не гарантирует стабилизацию в долгосрочной перспективе.

Подводя итоги по данной главе, мы можем констатировать, что не смотря на трудности в вопросе выведения общей дефиниции авторитаризма как научной категории, большинство авторов сходятся во мнении, что авторитаризм как явление политической реальности характеризуется прежде всего невосприимчивостью к собственным гражданам, что является следствием ориентации властвующей элиты на государство как самоценность. Так, если демократичность политического режима определяется институционализированной ограниченностью власти, то возрастающая степень независимости государственной власти от собственного народа, есть ключевой критерий для определения режима как недемократического, что на наш взгляд есть суть авторитаризма.

¹⁰¹ Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность. 1993. № 2. – С. 115-126.

2.2. Типологии авторитаризма

Обращаясь к проблеме типологизации авторитарных режимов, мы будем использовать историко-сравнительный подход¹⁰², как методологию что в большей степени отвечает нашей цели, направленной на выявление ключевых трендов в развитии современной теории авторитаризма, посредством обращение к историографии вопроса.

По существу авторитаризм не представляет собой принципиально нового явления. Классическая типология политических устройств Аристотеля¹⁰³ освящает такие устройства как олигархия и тирания, что и представляют собой явления, обозначенные учеными в XX веке как авторитаризм¹⁰⁴.

В вопросе изложения истории изучения недемократических режимов наиболее концептуальным нам видится подход, предложенный С.Ф. Хантингтоном¹⁰⁵ и разработанный в отечественной политологии С.Н. Шкель¹⁰⁶¹⁰⁷, суть которого состоит в констатации роста интереса к изучению недемократических режимов, вследствие авторитарных откатов, являющихся естественным продолжением волн демократизации.

Первая волна исследовательского интереса, по мнению авторов, связана с откатом 1922 – 1942 гг., породившим диктатуры, обобщенно называемые фашистскими и коммунистическими. Данный этап неразрывно связан с изучением парадигмы тоталитаризма, включающую, как полагает С.Н. Шкель, два направления:

¹⁰² Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 6. С. 17

¹⁰³ Поппер К. Р. *Открытое общество и его враги*. Т. 1.: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

¹⁰⁴ Дибиров Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // *Русский Либмонстр*. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

¹⁰⁵ Хантингтон С.Ф. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.

¹⁰⁶ Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // *PolitBook*. 2013. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-mnogoobrazie-avtoritarizma-v-otrazhenii-sovremennoy-politicheskoy-nauki>

¹⁰⁷ См. Приложение 3

1. Социально-философский подход в объяснении феномена тоталитаризма обращался к проблеме распада классовой структуры общества, при этом смещая фокус на попытку дать объяснение идеологической природы этого явления. Примером тому может служить двухтомный труд австрийского философа Карла Поппера «Открытое общество и его враги»¹⁰⁸¹⁰⁹, где автор в частности предлагает взглянуть на форму государственного устройства, предложенного Платоном, как на предтечу тоталитарных идей, захлестнувших мир в первой половине XX века. Нельзя не упомянуть и вклад Ханны Арендт, что в своем труде «Истоки тоталитаризма»¹¹⁰ и последующих работах предприняла попытку выявить и проанализировать идейную основу тоталитарной власти.

2. Аналитический подход в сочетании со сравнительным методом предполагал произведение систематизации характерных черт тоталитаризма как особой разновидности недемократических режимов, примером чему является работа «Тоталитарная диктатура и автократия», написанная К. Фридрихом и З. Бжежинским, чья актуальность состоит в полном анализе явления тоталитаризма и его последующей систематизации.

Вторая волна как новый всплеск интереса к изучению недемократических режимов была обусловлена фрагментарной утратой релевантности концепта тоталитаризма под давлением опыта нового авторитарного отката (1958-1975), проявившемся в авторитарной трансформации режимов в ряде стран Латинской Америки и Африки. Опыт становления и последующего развития режимов, прошедших каждый свой путь деколонизации, стал очевидной иллюстрацией того, что новая государственность не пошла по пути либерализации, но и под критерии тоталитаризма новые формы не подпадали. Сознание инаковости новых режимов стимулировало исследователей к созданию новых концептуальных

¹⁰⁸ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1.: Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

¹⁰⁹ Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2.: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

¹¹⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма М.: Центрком, 1996. 672 с.

схем, которые должны были стать орудием к анализу форм, порожденных второй волной. По мнению Станислава Николаевича Шкеля: «главенствующими фигурами этого периода можно признать Х. Линца, А. Степана и Г. О'Доннелла»¹¹¹. Так, Хуан Линц стал одним из первых, кто обосновал невозможность изучать современные формы недемократических режимов сквозь призму концепта тоталитаризма, предложив рассматривать авторитаризм как особый тип, отличающийся от тоталитаризма и от демократии. Ачкасов В.А. пишет, что Линц Х., сохранив противопоставление «демократических» и «недемократических» режимов, предложил разделить последнюю группы на две категории: «авторитарные» и «тоталитарные»¹¹². Впервые работа Х. Линца об авторитаризме как об отдельном явлении была опубликована в 1975 году в качестве раздела посвященного тоталитарным и авторитарным режимам восьмитомного «Handbook of Political Science» под редакцией Ф.И. Гринштейна и Н.В. Полсби. Впоследствии материал раздела был переработан и дополнен, вылившись в монографию «Totalitarian and Authoritarian Regimes», изданную в 2000 году¹¹³. Как отмечает Франциско Р., Линц Х. с опорой на работы своих предшественников обосновал отличия авторитаризма от тоталитаризма, посредством формулирования институциональных особенностей недемократических режимов. Если тоталитарные режимы характеризовались наличием централизованной монистической структуры власти, монопольной идеологии и институтов, обеспечивающих широкомасштабной мобилизацию граждан, то авторитарные режимы отличаются наличием контролируемого плюрализма, который, важно понимать, в некотором смысле обязан своим существованием самой власти, что при этом находится в состоянии дремлющей готовности по оказанию влияния, поскольку, не смотря на допущение к существованию в политический процесс зачатков гражданского

¹¹¹ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 14

¹¹² Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. С. 140

¹¹³ Francisco R.A. Totalitarian and Authoritarian Regimes. By Juan J. Linz / R.A. Francisco // Contemporary Southeast Asia. – 2001. – Vol. 23, №1. – P. 185-187

общества и вытекающей из него оппозиции, власть в условиях авторитарного режима непримирима к возможности существования реальной конкуренции. Это непримиримость объясняется ориентацией правящей элиты на поддержание пассивности масс как проявление желаемой лояльности существующему правлению в перманентной ориентации на гомогенизацию общества. Отсюда проистекают и другие характерные черты авторитаризма, который в отличие от тоталитаризма не сосредотачивается на единой идеологии, представляющей собой основу тоталитарного режима. Эта идеология, ориентированная на гомогенизацию всего общества, через слияние государства и общества, является средством мобилизации масс, что, по мнению Х. Линца, обеспечивает режим необходимой ему легитимацией.

Если обращаться к более поздним работам Х. Линца¹¹⁴ то можно обратить внимание на ряд важных деталей. Применительно к авторитаризму ограниченный политический плюрализм, по мнению автора, часто соседствует с весьма обширным социальным и экономическим плюрализмом, чьи корни уходят во времена до формирования режима. Что важно, не отказываясь от тезиса об отсутствии единой идеологии в условиях авторитарного режима, автор подчеркивает наличие особой (самобытной) ментальности, присущей режиму.

В свою очередь вклад Гильермо О'Доннелла состоит в смещении приоритетов в исследовании авторитарных режимов на изучение социально-экономических факторов и процессов модернизации как основополагающих переменных развития авторитарного режима. По мнению Г. О'Доннелла, новая фаза индустриализации государств периферийного капитализма становится причиной к усилению этатистских тенденций и подавлению неугодных власти проявлений гражданского общества, встав на путь снижения социальной ответственности государства перед населением. В изменившихся условиях проблема перехода к новому уровню модернизации

¹¹⁴ Linz H., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1996.

решалась посредством укрупнения индустриальных производств, чему предшествовала консолидация власти имущих с представителями сферы крупного капитала, что, став главным актором модернизации, является при этом источником авторитаризации государства. Применительно к странам периферийного капитализма можно говорить о трансформации социально-экономического прогресса в фактор становления новой разновидности недемократических режимов – *бюрократический авторитаризм*. Думается, что здесь хорошим примером может стать и опыт постнэповской трансформации СССР с ее форсированной индустриализацией. И таким образом, как заключает Станислав Николаевич: «в противовес теории модернизации, Г. О'Доннелл утверждает, что социально-экономическое развитие отнюдь не всегда приводит к демократизации»¹¹⁵.

Отдельно С.Н. Шкель обозначает становление нового для политологической науки тренда проблематики типологий авторитаризма при ориентации на учет региональной специфики. Как отмечалось выше, именно политическое развитие стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки стало полем эмпирического материала для изучения авторитарных трансформаций, принимающих разнообразные формы под влиянием синтеза политических институтов. Значимым в этой связи является вклад уже упомянутого Х. Линц и А. Степан в построение типологизации авторитарных режимов¹¹⁶. В частности их уже упомянутая более поздняя работа «Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe», в которой авторы обобщили проделанную работу, создав общую типологию режимов, где в качестве критериев использовали *pluralism, ideology, mobilization, leadership*. Так Х. Линц и А. Степан удалось создать общую типологию, где в качестве идеальных типов были представлены демократический, авторитарный, тоталитарный, пост-

¹¹⁵ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 15

¹¹⁶ См. Приложение 4

тоталитарный и султанатский режимы. При этом как отмечал сам Х. Линз, типология не является закрытой и допускает выделение субтипов¹¹⁷.

Третья волна как новый всплеск интереса к недемократическим формам, по мнению автора, приходится на рубеж веков, как следствие утраты оптимизма относительно демократизации думается, прежде всего, постсоветского блока, присущего 90-м гг. XX века. В частности Реалии первой декады убедительно демонстрируют снижение темпов транзита. В качестве подтверждения своего тезиса С.Н. Шкель констатирует, что согласно данным аналитического центра «Freedom House» в период с 2001 по 2012 год разница между демократическими и авторитарными режимами «осталась неизменной при несущественных вариациях»¹¹⁸, при том что количество публикаций, посвященных авторитарным режимам стремительно увеличивается: с менее чем 10 тысяч статей в 2003 году, до 50 тысяч в 2012 году¹¹⁹ заключая: «но если о третьем авторитарном откате говорить пока рано, то о третьей волне исследовательского интереса в политической науке к авторитарным режимам вполне своевременно»¹²⁰. Созвучно ему и утверждение О.Г. Харитоновой: «В конце 1990-х годов политологи стали изучать особенности функционирования политических институтов в недемократических режимах их влияние на режимные трансформации»¹²¹. Особенностью исследовательского этапа третьей волны является очевидная ориентация на синтез исследовательских достижений, что проявляется в сочетании акторского подхода с фрагментарным заимствованием ряда положений у неоинституционализма.

¹¹⁷ Francisco R.A. Totalitarian and Authoritarian Regimes. By Juan J. Linz / R.A. Francisco // Contemporary Southeast Asia. – 2001. – Vol. 23, №1. – P. 186

¹¹⁸ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 16

¹¹⁹ Croissant A., Wurster S. Performance and persistence of autocracies in comparison: introducing issues and perspectives. Contemporary Politics. 2013 Vol. 19. №1.

¹²⁰ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 17

¹²¹ Харитонова О. Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука. 2012. № 3. С. 9-30

В качестве наиболее значимых трендов в рассматриваемой области С.Н. Шкель выделяет: а) новации в области типологии авторитаризма и его субтипов; б) анализ факторов и детерминант устойчивости, выживаемости и уязвимости современных автократий.

В качестве точки отсчета для начала третьей волны исследовательского интереса к авторитаризму С.Н. Шкель называет статью Барбары Геддес, в которой последней была предложена классификация авторитарных режимов, разделенных на персоналистские, военные и однопартийные¹²², что в действительности является попыткой апдейта предложенной С.Ф. Хантингтоном классификации авторитаризма¹²³. Данная типология была разработана с целью выявления влияния особенностей режимов на процессы демократизации и факторов, влияющих на выживание автократий, что будет более подробно разобрано ниже. В целом же статье свойственен на наш взгляд отказ от энтузиазма начала 90-х по вопросу о демократизации, что прослеживалось также еще у Хантингтона С.Ф.

Всплеск интереса к авторитаризму, как уже было сказано, проявляется в росте числа разного рода публикаций по теме, среди которых особый интерес у нас вызывают публикации, посвященные проблеме типологизации авторитарных режимов. В частности С.Н. Шкель предлагает разграничить современные классификации на группы в зависимости от подхода, используемого авторами.

Электоральный подход характеризуется тем, что основополагающим показателем к рассмотрению того или иного режима для него являются элиты и их конкуренция как противостояние групп интересов. В качестве продолжателей традиции Й.А. Шумпетера и Р. Даля автор приводит концепт, предложенный М. Алваресом, А. Чейбуком, Ф. Лимонджи и А.

¹²² Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? / Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999, no. 2, pp. 115-144

¹²³ Хантингтон С.Ф. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.

Пшеворским¹²⁴, где конкуренция есть основополагающий показатель для дифференциации режимов на демократические от авторитарные. Собственно на практике это функционирует следующим образом: авторы выдвигают три устоявшихся тезиса применительно к каждому конкретному режиму, где три положительных ответа свидетельствуют о соответствии указанного режима демократии. В то же время факт нарушения хотя бы одного правила есть повод к отнесению рассматриваемого режима к категории авторитарных. Так, в качестве требований к режиму авторы выдвигают *правила*:

1. глава исполнительной власти избирается народом или избран представительным органом, что в свою очередь также должен быть всенародно избран;

2. легислатура должна быть всенародно избранной;

3. выборы со справедливыми правилами для всех участников, при том, что последних должно быть больше чем один.

Таким образом, ключевым для электорального подхода понятием является наличие конкурентных выборов¹²⁵, что представляют собой межакторское соперничество за электорат в соответствии с идеей справедливой и честной борьбы, где под справедливость понимается допущение к участию в выборах всех претендующих акторов при отсутствии искусственных ограничений, а под честностью – точный подсчет поданных голосов, исключающий факт искажения воли избирателей.

Безусловным достоинством ориентации концентрации на электоральные аспекты, где речь идет прежде всего о качестве конкуренции, стала возможность разграничить различные формы режимов в рамках недемократической группы, при наличии потенциала к выявлению так называемых гибридных форм, являющихся средоточием характерных черт той или иной группы режимов. Таким образом, именно суть избирательных

¹²⁴ Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes / Studies in Comparative International Development. 1996, Vol. 31, no. 2, pp. 7-8

¹²⁵ Alvarez M., Cheibub J., Limongi F., Przeworski A. Classifying Political Regimes / Studies in Comparative International Development. 1996, Vol. 31, no. 2, pp. 6

процедур является ключевым критерием, характерным для электорального подхода.

Добавим также, что одной из отличительных черт современного этапа изучения авторитаризма является переориентация в восприятии гибридных форм. Если ранее они рассматривались в парадигме транзита как переходные формы на пути демократии, то сейчас они стали восприниматься как особые типы политических режимов, обладающих специфическими признаками и собственной логикой развития. Таким образом, происходит их переклассификация из недодемократий в разновидности авторитаризма, что проявляется в наплыве новых вариаций авторитаризма с прилагательными.

Одним из ключевых достоинств подходов третьей волны стало открытие новых возможностей статистического анализа, что по существу является значительным шагом в сторону придания политологии наукообразности. Как констатирует С.Н. Шкель: «Наиболее распространенным методом среди исследователей при решении проблемы кодирования режимов стало использование баз данных исследовательских центров, таких как Freedom House, Polity IV, данных Всемирного банка и др.»¹²⁶.

Хорошим примером обращения к данным исследовательских центров демонстрирует Локшин Илья Михайлович в своей работе «Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи»¹²⁷, где автор при проведении количественного анализа в своем исследовании опирался на данные центров «Freedom in the World» (проект «Freedom House») и «Polity IV» в сочетании с Общемировыми индикаторами государственного управления (The Worldwide Governance Indicators) при построении композитного индекса «Качество функционирования

¹²⁶ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 22

¹²⁷ Локшин И.М. Политические режимы и качество функционирования государства: анализ взаимосвязи // Полития. 2011. №4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-rezhimy-i-kachestvo-funktsionirovaniya-gosudarstva-analiz-vzaimosvyazi>

государства» в целях выявления связи указанного индекса с уровнем демократичности государств.

В свою очередь поводом для критики электорального подхода становится их ограниченность, и как следствие не способность к восприятию и последующему отражению более узкой дифференциации. Поскольку такие детали как актор, структура элиты, причины становления и т.п. остаются в тени, вполне естественным является заключение, что электоральный подход никак не может быть исчерпывающим.

Акторский подход. В качестве успешно концептуализированного примера акторского подхода С.Н. Шкель приводит уже упомянутую типологию авторитарных режимов Барбары Геддес, где в качестве основополагающего критерия выступает сам субъект власти¹²⁸. Так, вопрос о том, кто является правящей силой становится почвой для выделения трех идеальных типов авторитаризма, среди которых: военный, решающие кто и как будет править и сохраняющие за собой право центрального субъекта влияния, однопартийный, отличается доминированием одной государственной партии, что допускает альтернативу, но не предлагает сменяемости, и персоналистский, что вместе со своими приближенными является ключевым субъектом принятия решений. При этом Б. Геддес выделяет и смешанные типы. И как констатирует С.Н. Шкель, впоследствии Б. Геддес добавит к обозначенным типам монархию.

В качестве безусловных достоинств данного подхода можно обозначить его универсальный характер, который по сути исходит из идеи сглаживания конкретной специфики за счет выявления общих базовых показателей.

Институциональный подход. Удачный пример институционального подхода, по мнению С.Н. Шкеля, демонстрирует классификация, разработанная М. Вэхмэнем, А. Хэденисуом и Дж. Теореллом, и

¹²⁸ Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? / Annual review in political science. Palo Alto, CA, 1999, no. 2, pp. 115-144

представляющая собой модификацию концепта, предложенного Б. Геддес. Суть преобразования заключается в расширении обозначенной структуры за счет введения дополнительного измерения, где в качестве критерия фиксируется институциональная конструкция режима¹²⁹. При этом концептуальной основой данной типологии является разграничение режимных типов в зависимости от характера доминирующей совокупности институтов, что определяют доступ к власти и влияют на процесс производства управленческих решений. Среди них: наличие или отсутствие института передачи власти по наследству; степень включенности военных во власть, а также значение влияния института выборов и политических партий.

В соответствии с перечисленными критериями авторский коллектив выделяет три типа: монархию, военный и электоральный режимы, где последние подразделяются на непартийные, однопартийные и многопартийные. Авторы также не обошли стороной вопрос о смешанных субтипах. Как отмечает С.Н. Шкель: «... персоналистские режимы ученые исключают из разряда отдельного типа, рассматривая персонализм как черту, присущую в той или иной мере всем базовым авторитарным режимным типам»¹³⁰.

Таким образом, обозначив вслед за С.Н. Шкель членение типологий авторитарных устройств в зависимости от предпочтений авторов в выборе критерия для собственных дифференциаций, мы предлагаем обратиться деятельности отечественных исследователей, чьи типологии мы также попытаемся уложить в предложенную Станиславом Николаевичем дифференциацию.

Если представителей отечественной политологии, занимающихся классификаций политических режимов исключительно с опорой на электоральный подход выявить сложно, то вот специалистов, что взяли на

¹²⁹ Wahman M., Teorell J., Hadenius A. Authoritarian Regime Types Revisited. Contemporary Politics, 2013 Vol. 19, No. 1, 19–34

¹³⁰ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 26

вооружение данную методологию в сочетании с иными подходами выявить значительно вероятнее¹³¹. В частности сам С.Н. Шкель, выводя свою типологию для государств на постсоветском пространстве в качестве одного из критериев использует чисто электоральный подход.

Из отечественных политологов выбор в пользу акторского подхода делает выбор А.П. Цыганков. Обращаясь к типологии, предложенной С.Ф. Хантингтоном, Андрей Павлович дополняет ее бюрократически-олигархическим авторитаризмом.

В заключение среди отечественных специалистов, чьи построения отвечали бы требованиям институционального подхода, нам бы хотелось выделить раскрытую выше типологию В.Г. Голосова, что не смотря то, что подается как типология именно политических режимов, в большинстве своем описывает недемократические формы.

Вне данного деления можно попробовать выявить дифференциации иного рода. Интересный подход к типологизации современных недемократических режимов демонстрируют в своей статье Ю.А. Нисневич и А.В. Рябова¹³², взявших в качестве критерия к дифференциации идеологию, а вернее субъективно воспринимаемую авторами ее роль в функционировании государства, где в качестве средства верификации используется идеологическая триада «человек-общество-государство». Фактически по обращению к этому построению предполагается выяснение сути различных политических подходов и идеологий, что определяется по расположению одной или нескольких составляющих в вершине.

1. «Рудиментарные» авторитарные режимы характеризуются наличием некоторого составляющего, охарактеризованного авторами как рудимент, что является при этом критерием для их обособления в отдельный тип.

¹³¹ Несмотря на безрезультатность поиска основанных исключительно в соответствии с электоральным подходом типологий отечественных специалистов, отметим, что в целом обращение к данной методологии как вероятно наиболее релевантной в вопросе верификации очень актуально среди отечественных политологов. Это и Локшин И.М. с упомянутой ранее статьей, Гельман В.Я., Голосов В.Г. и мн. др.

¹³² Нисневич, Ю. А., Рябов, А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология. – Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162-181

А. Авторитарные монархии (монархический рудимент) как разновидность современных авторитарных режимов характеризуются наличием монархии в сочетании с религией, освящающей власть монарха, что в совокупности является основополагающим фактором мобилизации масс. В вершине триады располагаются государство в лице монархии, а другой – общество в форме религиозной общности. В качестве государств-представителей данного режима авторы выделили 11 авторитарных монархий – Саудовская Аравия, Кувейт, Султанат Оман, Катар и др.;

Б. Режимы с коммунистическим рудиментом характеризуются наличием редуцированной коммунистической идеологии, утратившей свой прогрессивный и мобилизационный потенциал, но сохраняющуюся в качестве гаранта консервации сложившегося внутривластного порядка. Говоря о вершине идеологической триады, авторы однозначно отдают первенство роли всепроникающего государства, хотя и оговаривают, что на официальном коммунистическая идеология провозглашает приоритет общественного начала. В этой связи сами авторы оговаривают, что идеология как явление политической жизни общества может сильно отличаться на уровнях латентном и декларируемом. В качестве примера авторы приводят ряд сложившихся режимов в Лаосской НДР, Советской Республике Вьетнам, КНР, КНДР и в Республике Куба.

2. Постколониальные диктатуры: 18 государств – стран Африканского континента и Юго-Восточной Азии, что после деколонизации с различным успехом вступили на путь демократических преобразований по западному образцу, где 15 из 18 представляют собой персоналистские режимы. Объединены эти довольно разнородные режимы в соответствии с наличием у них общего колониального прошлого. В свою очередь на вершине идеологической триады зафиксировано государство, подчиняющее себе все общество в целом, при том, что на практике идеологии этих государств сильно не соответствуют друг другу.

3. Неоавторитарные режимы отличает гибкость, что проявляется в демократизации прежде всего на декларативном уровне. Управляемые демократии, где демократизм носит функцию формального оформления при том, что все вопросы, касающиеся функционирования государства решаются кулуарно. Авторы определяют идеологию данных режимов как идеологию коррупции, что *de facto* маскируется под популистскими лозунгами.

А. Постсоветские неоавторитарные режимы, по мнению авторов, имеют своей ключевой особенностью то, что правящая элита в большинстве своем представлена выходцами или наследниками партийно-хозяйственной номенклатуры СССР, ценностью для которых является материальное обогащение и социальное превосходство посредством использования публичной власти. Идеология собственного обогащения. Отличие постсоветской номенклатуры от ее предшественницы заключается в отказе от идеологии марксизма-ленинизма. В частности О.В. Гаман-Голутвина, говоря о постсоветской элите, констатирует: «Обретение полноценных привилегий в 1990-е годы стало революцией элит, а собственность стала ключевым основанием рекрутирования во власть»¹³³. Обобщая, авторы выделяют трехслойную идеологическую компоненту, состоящую из сочетания идеологии коррупции (латентная идейно-ценностная основа новой номенклатуры), государственнической идеологии (для внутривластной мобилизации) и либерально-демократической идеологии (декларируемая на международной арене ориентация).

Примером тому являются Республики Беларусь, Казахстан, Армения, Таджикистан, Узбекистан, Азербайджанская и Киргизская Республики, Российская Федерация и Туркменистан. Добавим, что редакторы журнала отмечают, что исключать из списка Украину, по их мнению, значит допускать упущение, поскольку на их взгляд данное государство отвечает перечисленным выше критериям.

¹³³ Гаман-Голутвина, О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО. 2010. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtoritarizm-razvitiya-ili-avtoritarizm-bez-razvitiya-sudby-modernizatsii-na-postsovetskom-prostranstve>

Б. Неоавторитарные Африки, Азии и Латинской Америки. Все режимы данной категории объединяет то, что становление практически всех режимов в данной категории стало следствием внутреннего вооруженного конфликта. К ним на момент написания статьи авторы относили следующие страны: Республика Бурунди, Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Республика Гамбия, Федеративная Республика Нигерия, Мозамбик, Исламская Республика Мавритания, Республика Никарагуа, Боливарианская Республика Венесуэла, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка и Исламская Республика Иран.

От себя добавим, что уместнее было бы отказаться от разделения неоавторитарных режимов, поскольку первую группу от второй отличает исключительно наличие у стран первой группы общего советского прошлого, в то время как вторая категория формируется по остаточному признаку. Так, например, Венесуэла У. Чавеса – Н. Мадуро, как впрочем и Никарагуа при Д. Ортеге, на наш взгляд, имеют больше сходств с постсоветским блоком, чем, например, с Ираном после революции 1979 года. Осложняет ситуацию и то, что авторы делают акцент именно на идеологическую составляющую, что в свою очередь, по собственному признанию авторов, идентична у обеих групп.

Подводя итоги, авторы констатируют, что авторитаризм в современных проявлениях все менее идеологически гомогенен, что объясняется ослаблением влияния идеологий, что авторы объективно обозначают как «общемировой тренд», а также вынужденной ориентации авторитаризма на большую маневренность в условиях ускорения перманентно обновляющейся повести внутри государства и во вне. Ускорение процесса проявления новых и новых вызовов, продемонстрированное Элвином Тоффлером¹³⁴, по мнению Ю.А. Нисневича и А.В. Рябовой¹³⁵, порождают необходимость отходить от жесткой идеологичности в пользу эклектики, при том, что родовая черта в

¹³⁴ Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»», 2004

¹³⁵ Нисневич, Ю. А., Рябов, А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология. – Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162-181

виде отношения к государству как высшей ценности не ослабевает, а пропаганда продолжает отождествлять режим с государством, которое вне первого обречено на поражение от внешней или внутренней угрозы.

Интересную классификацию предлагает А.П. Цыганков¹³⁶, предлагает дифференцировать авторитарные режимы в исторической перспективе на предтоталитарные и посттоталитарные. Где первая категория есть следствие разрастания внутренних противоречий, что становится возможностью для прихода к власти людей, опирающихся на силовые методы решения задач в процессе выстраивания новой институциональной системы, в то время как посттоталитарные режимы, подчеркивая преемственность и как бы существующую в тени великого предка, сталкиваются с проблемой обратной перестройки институциональной организации власти.

Внимания, на наш взгляд, заслуживает классификация для постсоветского пространства, приведенная Гаман-Голутвиной О.В., что основывается на разграничении типов авторитаризма на основе прогрессивности его функционирования: Авторитаризм развития и Авторитаризм без развития. Данное противопоставление основывается на опыте трансформации государств постсоветского пространства¹³⁷.

Подводя итоги, добавим, что в данном разделе нами была предпринята попытка анализа современных тенденций в изучении авторитаризма посредством обращения к обобщающим работам представителей как зарубежной, так и отечественной политологии. Взяв за основу парадигму волн интереса¹³⁸ нами была приведена историография вопроса, что и стало базой для выявления конкретных тенденций присущих современному этапу изучения авторитаризма¹³⁹.

¹³⁶ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. С. 178

¹³⁷ Гаман-Голутвина, О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО. 2010. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtoritarizm-razvitiya-ili-avtoritarizm-bez-razvitiya-sudby-modernizatsii-na-postsovetskom-prostranstve>

¹³⁸ Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. 2013. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-mnogoobrazie-avtoritarizma-v-otrazhenii-sovremennoy-politicheskoy-nauki>

¹³⁹ См. Приложение 5

Глава 3. Проблемные вопросы по теме «Политические режимы» на уроках обществознания в школе

Почему обучающимся важно усвоить тему «Политические режимы»? Особое значение темы объясняется тем, что данный вопрос является одним из главных составляющих, что закладывают основу научного понимания политической истории XX в. и проблемных вопросов современности.

Важно оговорить, что обращаясь к курсу обществознания нами была использована в качестве образца линейка учебников для основного общего и среднего общего образования от издательства «Просвещение» под редакцией Л. Н. Боголюбов, Е. И. Жильцова, А. Т. Кинкулькин и др.

Тема является естественным продолжением раздела «Политика», где «Политический режим» фиксируется как одно из трех составляющее «Формы государства» и в соответствии с отведенной функцией отвечает на вопрос «Как осуществляется государственная власть?».

В процессе освоения темы «Политические режимы» в школе, обучающиеся могут сталкиваться с различными трудностями в понимании политического режима как дефиниции, поскольку его соотношение с такими категориями как «политическая система» и «государственный режим» является дискуссионным моментом в силу наличия разных интерпретаций вышеуказанных понятий.

Таким образом, мы считаем важным осветить ряд проблемных моментов, которые будут рассмотрены ниже.

С понятием «политический режим» обучающиеся сталкиваются не только на уроках обществознания, но и истории, где обучающимся, как предполагается, предстоит на практике столкнуться с проблемой соотношения того или иного режимного проявления в истории с предложенным по курсу обществознания противопоставлением «демократия-тоталитаризм». Отметим, что в зависимости от избранной линейки учебного материала, на практике обучающиеся на уроках истории могут столкнуться с вписанной в ту или иную тему фрагментами курса обществознания, посвященным

политическому устройству государства. Проблемным здесь видится тот факт, что сложно наверняка определить, каким образом ту или иную тему осваивать эффективнее: посредством разовых и разрозненных упоминаний в курсе истории с последующим закреплением темы на уроке обществознания, или же через освоения темы и последующего подкрепления приобретенного знания посредством встречающихся отсылок к пройденному материалу в курсе всеобщей и отечественной истории и в продолжении курс обществознания. Вынуждены констатировать, что в настоящее время данная проблема решается в пользу первого из предложенных вариантов¹⁴⁰. Данный момент на наш взгляд является дискуссионным в силу того, что оба подхода представляются концептуальными и насчитывают достаточно сторонников. На наш взгляд, если абстрагироваться от темы «Политические режимы», то оптимальным было бы сочетание обоих подходов в зависимости от сложности контента. Однако применительно к вышеуказанной теме, мы придерживаемся той позиции, что более верным было бы начать с изложения самой темы, дабы примеры из истории впоследствии служили в качестве возможности актуализации материала, поскольку данная тема является крайне важной составляющей во всем курсе «Обществознание».

Добавим, что помимо значения данной темы как инструментария к анализу политической реальности, есть здесь и идеологическое составляющее, что проявляется в сознательной культивации понимания ценности демократии. Таким образом, данная тема значима и потому, что именно в ее рамках закладывается четкое понимание демократии как ценности и своеобразного гаранта справедливости и равенства¹⁴¹.

Переходя к содержанию темы, отметим, что на наш взгляд принципиальным моментом является проблема раскрытия понятия «политический режим». Отметим, что применительно к программе для 9-го

¹⁴⁰ Обществознание. Поурочные разработки. 9 класс: пособие для учителей общеобразоват. организаций / [Л. Н. Боголюбов, Е. И. Жильцова, А. Т. Кинкулькин и др.]; Рос. акад. наук, Рос. акад. образования, изд-во «Просвещение». — М. : Просвещение, 2014. С. 33

¹⁴¹ Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. под ред. С. Деникиной, В. Барановой. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.

класса, данная дефиниция раскрывается исключительно в узком смысле, а то есть как «набор методов осуществления политической власти». И если учебник для 11-го класса базового уровня в целом консервирует это понимания, расширяя представления о «политическом режиме» как о функциональной составляющей «политической системы», то учебник профильного уровня конкретизирует дефиниции за счет дополнительного иллюстративного материала и более детально производит соотношения таких понятий как «политическая система» и «политический режим».

Важно на наш взгляд донести до обучающихся еще в 9 классе факт существования множества подходов к вопросу о дифференциации политических режимов, добившись понимания того, что такая ситуация является следствием разнообразного понимания самого определения «политический режим» и плюрализма в вопросе выбора критериев к разграничению режимов. В качестве иллюстрации применительно проблеме отбора критериев обучающимся может быть приведена классификация Дибирова Н.З. в качестве аналога противопоставлению «демократия-тоталитаризм»¹⁴².

Мы уже оговаривали выше, что придерживаемся того мнения, что замена противопоставления «демократия-тоталитаризм» на «демократия-авторитаризм» несет в себе определенный эвристический потенциал, поскольку «тоталитаризм» представляется нам прежде всего радикальным воплощением авторитаризма, что стал возможным благодаря специфическим условиям, что сложились в мире на начало XX века¹⁴³.

Вдобавок важно донести до обучающихся, что в противопоставлении «демократия-авторитаризм» под демократией подразумевается не форма,

¹⁴² Дибиров, Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // Русский Либмонстр. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

¹⁴³ Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. – Пер. с болг. – М.: Изд-во «Новости», 1991. 336 с.

допускающая наличия института выборов¹⁴⁴, но ее либеральное наполнение, чье воплощение представляют собой прежде всего страны Западной Европы.

Отдельно отметим проблему отражения динамической составляющей политических режимов. На наш взгляд важно не просто донести до обучающихся, что режим трансформируется, но и то, что те меры, к которым режим прибегает в процессе своего функционирования, не всегда должны соответствовать закрепившейся за режимом характеристике. Меры варьируются в зависимости от ряда как внешних, так и внутренних факторов. В этом контексте уместно привести историю Испании времен правления генерала Ф. Франко, который изначально в условиях гражданской войны пошел на создание жесткой военной диктатуры, что со временем трансформировалась в умеренно-авторитарный режим¹⁴⁵. В условиях отсутствия понимания динамической сущности режимов, мы рискуем утратить их понимание как части общемирового процесса развития. Утрата понимания динамизма режима неизбежно влечет за собой укоренение контрастного восприятия разновидностей политических режимов, где «первое – хорошее», а «второе – плохое». Таким образом, задачей учителя является добиться понимания режима как изменчивой структуры.

Авторы учебника профильного уровня (11 класс) (2014) под ред. Боголюбова Л.Н., отмечают динамический характер политической системы. При этом дальше упоминания развития этой темы не последовало. При этом присутствует пояснение: "Однако на самом деле авторитарные системы неоднородны по своим сущностным характеристикам". Авторы учебника исходят в своих рассуждениях из понимания авторитаризма прежде всего как политической системы, в рамках которой функционируют режимы разного типа.

Применительно к описанию характеристик авторитаризма, приведенных авторским коллективом учебника для 11-го класса

¹⁴⁴ Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy. Foreign Affairs, (November/December 1997), pp. 22—43

¹⁴⁵ Гарсия, Х. Испания XX века. Издательство: «Мысль», М., 1966. 488 с.

профильного уровня под редакцией Л.Н. Боголюбова, отметим, что некоторые нарекания у нас вызывает тезис, согласно которому авторитаризму присуще стремление использовать силу как средство разрешения конфликтных ситуаций. Конкретизируя, добавим, что недопонимание вызывает использование слова «стремление», которое, как нам кажется, не совсем адекватно отображает сущность авторитаризма, поскольку последний ни столько «стремится», сколько «более решительно готов прибегнуть».

Принципиально опасной видится нам проблема установления субъективной корреляции в среде обучающихся авторитаризма с сильной властью и демократии, соответственно, со слабой властью. Важно добиться понимания, что сильная власть не тождественна авторитаризму, поскольку сильная власть заключается не в способности применять силу, что на практике может проявляться в разгоне демонстрации, но в способности руководить государством в целях развития последнего в сложных условиях.

В заключение отметим, что на практике многое упирается именно в человеческий фактор – качество человеческого капитала применительно к педагогическому составу, поскольку учебник представляют собой прежде всего средство, что в свою очередь также есть продукт человеческой деятельности, а значит и ему не чужд уже упомянутый человеческий фактор. Учебно-методический комплекс как совокупность представляет собой ценное подспорье, однако она не в состоянии полностью компенсировать индивидуальный элемент, что исходит от учителя в процессе его педагогической деятельности. Учитель обязан находиться в перманентном поиске нового знания, поскольку сами его функции обязывают его постоянно совершенствоваться ради обучающихся, а то есть будущего.

Заключение

В данной работе мы предприняли попытку выявить и проанализировать современные тенденции в изучении политических режимов на примере авторитаризма, посредством обращения к проблеме типологизации авторитарных режимов. Повторимся, интерес именно к типологиям обусловлен тем, что типология как метод обобщения является в определенном смысле ключевой стадией в систематизации обработанного опыта, а то есть представляет собой ключевое обобщение как итог проделанной работы.

Проблема определения понятия «политический режим» является основополагающей для нашей работы. Можно заключить, что если политическая система это те официальные рамки, в соответствии с которыми выстраивается государственность, то политический режим представляется реальной совокупностью функционирования политического образования.

Разводя между собой понятия политической системы и политического и государственного режима, мы склонны определять государственный режим как функциональное наполнение государства как актора, что в свою очередь ограничен рамками закона. В свою очередь политический режим предполагает обращение к гораздо более широкому спектру реальных отношений в обществе, что выходит за пределы отведенные власти политической системой, ограничивающие власть последнего де-юре.

В первой главе нами была предпринята попытка концептуального разбора понятия «политический режима», а также сопутствующих дефиниций с последующим обращением к их систематизации. Дискуссионный характер понятия обусловлен наличием разночтений в вопросе выведения определений, что является следствием мнения о плюрализме в выборе методологической основы анализа.

Мы в свою очередь убеждены, что проблема в разграничении таких понятий как «политическая система», «политический режим» и

«государственный режим» упирается в подход, избранный исследователем¹⁴⁶, и как следствие, то или иное понимание этих определений. Так, по мере расширения понимания политического режима как климата функционирования системы в отечественной политологии проявляется проблема необходимости введения и обоснования дополнительной категории «государственный режим»¹⁴⁷, при том, что политологии за рубежом эти вопросы в меньшей степени интересны. Внимание зарубежных исследователей в большей степени концентрировано на проблеме функционирования политической системы как категории и встроенного в нее политического режима¹⁴⁸.

Переходя к теме типологизации политических режимов, отметим, что новые узкоспециализированные изыскания пополняют рассеянную базу в этой области. Затрагивая тему дихотомии «демократия-тоталитаризм», как начальной стадии систематизации, мы можем констатировать утрату эвристического потенциала данного противопоставления, однако отказ от конструкта видится нам не обоснованным в силу отсутствия реальных альтернатив, что подводит нас к заключению о необходимости апдейта дихотомии. Последующее усложнение систематизации обнажает проблему отбора критериев, что применительно к классификациям и типологиям занимает вероятно центральное место в общем дискурсе.

Актуальность обращение к теме авторитаризма обусловлена слабой относительно демократии теоретизацией авторитаризма. С учетом того, что демократии относительно всего мира в меньшинстве, при этом дифференцированы внутри группы по степени свободы в широком смысле, вполне обоснованной видится необходимость иметь представления о столь широком спектре проявлений недемократических режимов.

¹⁴⁶ Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2009, № 6. С. 17

¹⁴⁷ Догляд В.Б. Соотношение понятий «государственный режим», «политический режим» и «форма правления» // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Экономика и право. 2013. – № 1-2.

¹⁴⁸ Истон Д. Новая революция в политической науке // *Социально-политические науки*, 1993. № 6. С.115-128.

По существу авторитаризм не представляет собой принципиально нового явления. Не смотря на трудности в вопросе выведения общей дефиниции авторитаризма как научной категории, большинство авторов сходятся во мнении, что авторитаризм как явление политической реальности характеризуется прежде всего невосприимчивостью к собственным гражданам, что является следствием ориентации властвующей элиты на государство как самоценность. Так, если демократичность политического режима определяется институционализированной ограниченностью власти, то возрастающая степень независимости государственной власти от собственного народа, есть ключевой критерий для определения режима как недемократического, что на наш взгляд есть суть авторитаризма.

Обращаясь к проблеме типологизации авторитарных режимов как к средству выявления ключевых трендов в развитии современной теории авторитаризма, нами был использован волновой подход, разработанный в отечественной политологии С.Н. Шкель¹⁴⁹, суть которого состоит в констатации роста интереса к изучению недемократических режимов, вследствие авторитарных откатов, являющихся естественным продолжением волн демократизации.

Обращаясь к современным дифференциациям авторитарных режимов, мы, взяв за основу схему, предложенную С.Н. Шкель¹⁵⁰, провели разграничение между типологиями, разбив их на три группы в зависимости от подхода: электоральный, акторский и институциональный, благодаря чему удалось выявить общие и особенное в понимании авторитаризма зарубежными и отечественными политологами.

Как отмечает Франсиско Р.А., Хуан Линц, в своем стремлении создать типологию недемократических режимов, видел опору для последующего

¹⁴⁹ Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. 2013. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-mnogoobrazie-avtoritarizma-v-otrazhenii-sovremennoy-politicheskoy-nauki>

¹⁵⁰ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. 352 с.

выявления трансформаций религии, общества или экономики под влиянием режима и соответственно их собственные режим функционирования¹⁵¹.

Говоря о проблеме классификации российского политического режима вследствие отсутствия единых установок для анализа, Наталья Юрьевна Лапина констатирует, что данное свойство ведет к усложнению исследовательской задачи¹⁵². Разделяя тезис автора о неизбежном усложнении задачи исследователя под давлением увеличения числа новых прочтений, мы однако убеждены, что количество свежих мнений рано или поздно, но перейдет в качество¹⁵³, в процессе систематизации имеющегося знания, поскольку именно методологический плюрализм прокладывает дорогу к новому посредством обращения к наличествующему опыту.

С.Н. Шкель констатирует, что количественный рост числа новых типологий инициировал в политической науке ряд дискуссий о достоинствах и недостатках той или иной классификации, добавляя при этом, что «отсутствие единого подхода скорее является преимуществом, нежели недостатком»¹⁵⁴, таким образом, можно заключить, что указанный методологический плюрализм являет собой отличное подспорье для решения специфических исследовательских задач.

В свою очередь в третьей главе мы попытались выявить проблемные вопросы по теме «Политические режимы» на примере авторитаризма на уроках обществознания в школе, где основной упор был сделан на проблемах сопутствующих раскрытию материала. В частности это проблемаразграничения таких понятий как «политическая система» и «политический режим», «демократия» и «либеральная демократия» и многое другое.

¹⁵¹ Francisco, R.A. Totalitarian and Authoritarian Regimes. By Juan J. Linz / R.A. Francisco // Contemporary Southeast Asia. – 2001. – Vol. 23, №1. P. 186

¹⁵² Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации. Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 6. С. 17

¹⁵³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1978. С. 128

¹⁵⁴ Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. С. 134

Подводя общие итоги по работе отметим, что любая система изменчива. Она развивается за счет исчерпания доступного для нее ресурса, что предопределяет ее последующую трансформацию. И покуда есть изменчивость, есть и почва для научных изысканий.

Список использованных источников и литературы

Литература

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: Центрком, 1996. 672 с.
2. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. 537 с.
3. Ачкасов В.А. Сравнительная политология: Учебник – М.: Аспект Пресс, 2011. 400 с.
4. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г. Семенов. – М.: «Текст», 1993. 303 с.
5. Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. – М.: РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия), 2006. 448 с.
6. Гарсиа Х. Испания XX века. Издательство: «Мысль», М., 1966. 488 с.
7. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. 368 с.
8. Даль Р. Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. под ред. С. Деникиной, В. Барановой. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 288 с.
9. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология / Пер. с англ. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. 272 с.
10. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. – Пер. с болг. – М.: Изд-во «Новости», 1991. 336 с.
11. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. – М.: Юристъ, 1994. 704 с.
12. Крауч К. Постдемократия. – М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
13. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 288 с.
14. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1.: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.

15. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 2.: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
16. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2010. 784 с.
17. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / Пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.
18. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Под ред. А. А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1989. – С. 94-142.
19. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Пер. с англ. – М.: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
20. Хайек Ф. А. ф. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
21. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Велимеева Т., Новикова Ю. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
22. Хантингтон С.Ф. Третья волна. Демократизация в конце XX века. / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.
23. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. — М.: Интерпракс, 1995. 296 с.
24. Шкель С.Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе. – Уфа: Гилем, Башк. Энцикл., 2013. 352 с.
25. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия – М.: «Экономика», 1995. 540 с.
26. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. – М.: Политиздат, 1966. 484 с.
27. Linz, H., Stepan, A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1996. pp. 504

Периодические издания

28. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход (фрагменты из «Авторитарной личности») // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 75-85.
29. Ашин Г.К. Политическое лидерство: оптимальный стиль // Общественные науки и современность, 1993. № 2. С. 115-126.
30. Березкина О.С. Классификация политических режимов: историография вопроса // Исторический журнал: научные исследования, 2014. № 2 (20). С. 143-156.
31. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, 2000. №3. С. 29-42.
32. Бутенко А.П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма // Социологические исследования, 1998. № 6. С. 26-37.
33. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования, 1988. № 5. – С. 134 – 138.
34. Гайдар Е.Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // Общественные науки и современность, 2006. № 5. С. 50-62.
35. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. Политические исследования, 2001. № 1. С. 15-29.
36. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. Политические исследования, 1999. № 1. С. 10-25.
37. Дарендорф Р. Искушение авторитаризмом // Россия в глобальной политике. Том 3. 2005. №5. С. 8-12.
38. Демократия и тоталитаризм // Свободная мысль, 1991. № 15. С. 30-42.
39. Дмитриев А.С. «Число зверя»: к происхождению социологического проекта «Авторитарная личность» // СОЦИС, 1993. № 3. С. 66-74.
40. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность, 2013. № 2. С.169-176.

41. Дугин А.Г. Консервативная парадигма и критика теории прогресса в социологии Питирима Сорокина: актуальность для современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, № 1. 2010. С. 22-30.
42. Иванов, В.В. Формы правления и политического режима // Свободная мысль, 2009. №6. С.175-192.
43. Ивановский З. В. Политический дискурс и манипуляция общественным сознанием // Латинская Америка, 2009. № 12. С. 96-101.
44. Игрицкий Ю.И. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР, 1990. № 6. С. 172-189.
45. Игрицкий, Ю. И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история, 1993. № 1. С.3-17.
46. Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политические науки, 1993. № 6. С.115-128.
47. Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Политическая наука, 2003. № 2. С. 42-65.
48. Лапина Н. Российский политический режим: оценки и интерпретации. Мировая экономика и международные отношения, 2009. № 6. С.17-30.
49. Лукин А. В. Диктатура и жизнь // Полис. Политические исследования, 2004. № 1. С. 14-16.
50. Матросова Н.К. Онтологические модели целостности и типологии // Философские науки, 2013. № 10. С.51-62.
51. Медушевский А.Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопросы философии, 1999. № 12. С. 3-28.
52. Мирский Г. Ушел ли тоталитаризм вместе с двадцатым веком? // Мировая экономика и международные отношения, 2002. № 1. С. 40-51.
53. Мурашко Г.П. К дискуссии о типах тоталитаризма // Вопросы истории, 2001. № 8. С. 107-112.

54. Нисневич Ю. А., Рябова А. В. Современный авторитаризм и политическая идеология. – Полис. Политические исследования, 2016. № 4. С. 162-181.
55. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А., Уколов А.О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. №7 (часть 6). С. 1110-1113.
56. Природа тоталитаризма: общее и особенное. Материалы «круглого стола» // Преподавание истории в школе, 1993. № 5. С. 12-13.
57. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990. № 3. С. 84-118.
58. Харитонов О. Г. Недемократические политические режимы // Политическая наука, 2012. № 3. С. 9-30.
59. Шестопал Е. Б. Авторитарный запрос на демократию, или почему в России не растут апельсины // Полис. Политические исследования, 2004. № 1. С. 25-28.
60. Explaining variation of executive instability in presidential regimes: Presidential interruptions in Latin America Leiv Marsteintredet International // Political Science Review, 2014. Vol. 35, No. 2.
61. Francisco R.A. Totalitarian and Authoritarian Regimes. By Juan J. Linz / R.A. Francisco // Contemporary Southeast Asia, 2001. Vol. 23, No. 1. P. 185-187.
62. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and the survival of autocrats // Comparative political studies. – Thousand Oaks, CA, 2007. Vol. 40, No. 11. P. 1279–1301.
63. Geddes B. What do we know about democratization after twenty years? Annual review in political science. 1999. №2.
64. Lorenz C. Historical Knowledge and Historical Reality: A Plea for "Internal Realism" // History and Theory, Vol. 33, No. 3 (Oct., 1994). P. 297-327.

65. Huntington, S. P. Democracy for the Long Haul // Journal of Democracy (7, April 1996). P.12–34.

66. Munck G.L. Democratic Theory after «Transitions from Authoritarian Rule» // Perspectives on Politics, Vol. 9, No. 2 (June 2011). P. 333–343.

67. Sommers F. Types and Ontology. The Philosophical Review, Vol. 72, No. 3 (Jul., 1963). P. 327–363.

68. Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy. Foreign Affairs, (November/December 1997). P. 22–43.

Электронные ресурсы

69. Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО. 2010. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/avtoritarizm-razvitiya-ili-avtoritarizm-bez-razvitiya-sudby-modernizatsii-na-postsovetском-prostranstve>

70. Дибиров, Н.З. Теоретические основы типологии политических режимов // Русский Либмонстр. URL: <http://libmonster.ru/m/articles/view/ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ-ОСНОВЫ-ТИПОЛОГИИ-ПОЛИТИЧЕСКИХ-РЕЖИМОВ>

71. Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №30. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya>

72. Пащенко Ю. А. Предикативность и предикат в лингвистике и логике // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predikativnost-i-predikat-v-lingvistike-i-logike>

73. Пенская, Т. М. Феномен Российского авторитаризма (к вопросу о его происхождении) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. №7 (102). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-rossiyskogo-avtoritarizma-k-voprosu-o-ego-proishozhdenii>

74. Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. 2013. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-mnogoobrazie-avtoritarizma-v-otrazhenii-sovremennoy-politicheskoy-nauki>

Приложения

Приложение 1

Классификация политических режимов по Г.В. Голосову:

Режим	Закрытый		Открытый
	с монолитной элитой	с дифференцированной элитой	
Исключающий	Традиционный	Авторитарно-бюрократический	Соревновательная олигархия
Включающий	Эгалитарно-авторитарный	Авторитарно-инэгалитарный	Либеральная демократия

См. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп.

– Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С. 68

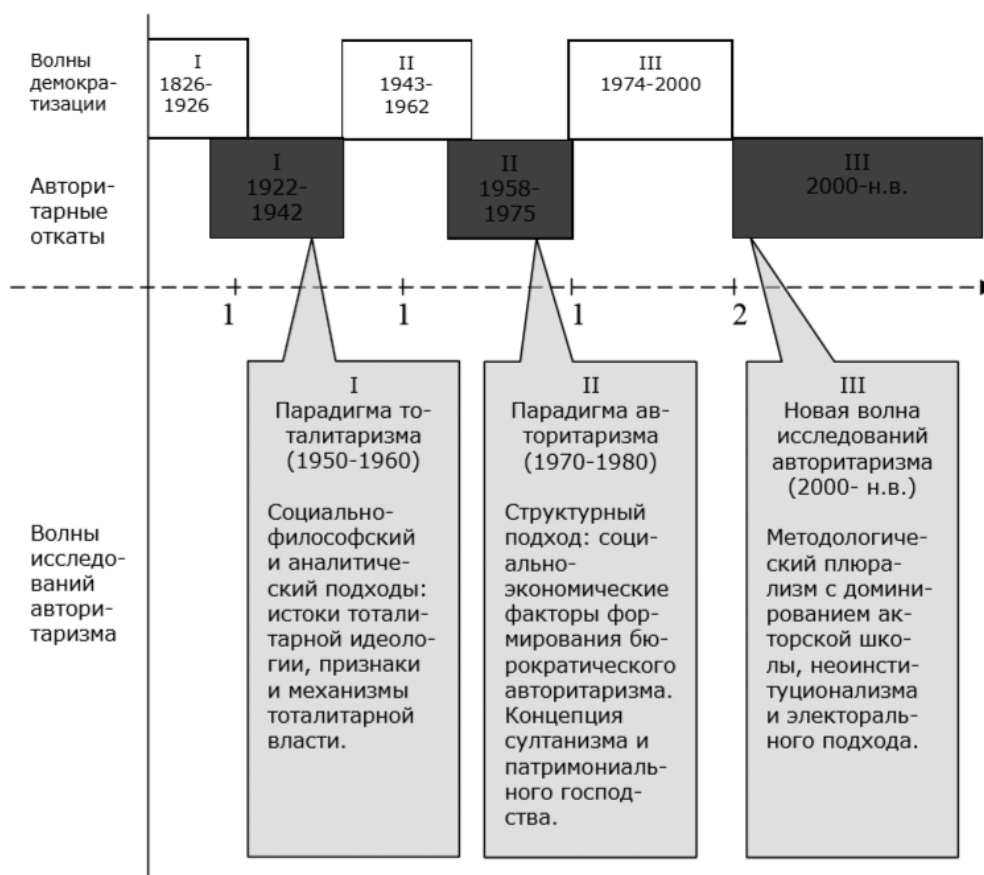
Различия и сходства авторитарных, тоталитарных и демократических режимов по А.П. Цыганкову

Механизмы осуществления власти	Авторитарный	Тоталитарный	Демократия
1. Ограничения деятельности правящих структур			Да — множество
2. Ответственность правящих структур		Слабая (полит, партия)	Значительная
3. Организация структуры правления:			
государство	Да	Да	Государство и госорганы
бюрократия / военные	Да	Под контролем партии	Подчинены
индивидуальный лидер	Да	Да (коллект. руководство)	Выборны
4. Проникновение политических органов в структуры общества	Слабое	Сильное	Ограниченное
5. Мобилизация поддержки	Слабая	Сильная	Различная
6. Официальная идеология	Слабая	Сильная	Слабая
7. Партии	Слабая/нет	Одна партия	Множество
8. Полиция, сила, запугивание	Да	Да	
9. Права индивида (защита) по форме по	?	Да	Да Да, в основном

Ист.,: Mucridis R.C. Modern Political Regimes. Pallerns and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P. 15.

См. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика – М.: Интерпракс, 1995. С. 169

Схема. Три волны исследований недемократических режимов в политической науке.

См. Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки // PolitBook. 2013. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-volna-mnogoobrazie-avtoritarizma-v-otrazhenii-sovremennoy-politicheskoy-nauki>

Типология политических режимов по Линцу Х. и Степану Э.

Table 3.1. Major Modern Regime Ideal Types and Their Defining Characteristics

Characteristic	Democracy	Authoritarianism	Totalitarianism	Post-totalitarianism	Sultanism
Pluralism	Responsible political pluralism reinforced by extensive areas of pluralist autonomy in economy, society, and internal life of organizations. Legally protected pluralism consistent with "societal corporatism" but not "state corporatism."	Political system with limited, not responsible political pluralism. Often quite extensive social and economic pluralism. In authoritarian regimes most of pluralism had roots in society before the establishment of the regime. Often some space for semiopposition.	No significant economic, social, or political pluralism. Official party has <i>de jure</i> and <i>de facto</i> monopoly of power. Party has eliminated almost all pretotalitarian pluralism. No space for second economy or parallel society.	Limited, but not responsible social, economic, and institutional pluralism. Almost no political pluralism because party still formally has monopoly of power. May have "second economy," but state still the overwhelming presence. Most manifestations of pluralism in "flattened polity" grew out of tolerated state structures or dissident groups consciously formed in opposition to totalitarian regime. In mature post-totalitarianism opposition often creates "second culture" or "parallel society."	Economic and social pluralism does not disappear but is subject to unpredictable and despotic intervention. No group or individual in civil society, political society, or the state is free from sultan's exercise of despotic power. No rule of law. Low institutionalization. High fusion of private and public.
Ideology	Extensive intellectual commitment to citizenship and procedural rules of contestation. Not teleological. Respect for rights of minorities, state of law, and value of individualism.	Political system without elaborate and guiding ideology but with distinctive mentalities.	Elaborate and guiding ideology that articulates a reachable utopia. Leaders, individuals, and groups derive most of their sense of mission, legitimation, and often specific policies from their commitment to some holistic conception of humanity and society.	Guiding ideology still officially exists and is part of the social reality. But weakened commitment to or faith in utopia. Shift of emphasis from ideology to programmatic consensus that presumably is based on rational decision-making and limited debate without too much reference to ideology.	Highly arbitrary manipulation of symbols. Extreme glorification of ruler. No elaborate or guiding ideology or even distinctive mentalities outside of despotic personalism. No attempt to justify major initiatives on the basis of ideology. Pseudo-ideology not believed by staff, subjects, or outside world.

Table 3.1. (continued)

Characteristic	Democracy	Authoritarianism	Totalitarianism	Post-totalitarianism	Sultanism
Mobilization	Participation via autonomously generated organization of civil society and competing parties of political society guaranteed by a system of law. Value is on low regime mobilization but high citizen participation. Diffuse effort by regime to induce good citizenship and patriotism. Toleration of peaceful and orderly opposition.	Political system without extensive or intensive political mobilization except at some points in their development.	Extensive mobilization into a vast array of regime-created obligatory organizations. Emphasis on activism of cadres and militants. Effort at mobilization of enthusiasm. Private life is decried.	Progressive loss of interest by leaders and nonleaders involved in organizing mobilization. Routine mobilization of population within state-sponsored organizations to achieve a minimum degree of conformity and compliance. Many "cadres" and "militants" are mere careerists and opportunists. Boredom, withdrawal, and ultimately privatization of population's values become an accepted fact.	Low but occasional manipulative mobilization of a ceremonial type by coercive or clientelistic methods without permanent organization. Periodic mobilization of parastate groups who use violence against groups targeted by sultan.
Leadership	Top leadership produced by free elections and must be exercised within constitutional limits and state of law. Leadership must be periodically subjected to and produced by free elections.	Political system in which a leader or occasionally a small group exercises power within formally ill-defined but actually quite predictable norms. Effort at cooptation of old elite groups. Some autonomy in state careers and in military.	Totalitarian leadership rules with undefined limits and great unpredictability for members and nonmembers. Often charismatic. Recruitment to top leadership highly dependent on success and commitment in party organization.	Growing emphasis by post-totalitarian political elite on personal security. Checks on top leadership via party structures, procedures, and "internal democracy." Top leaders are seldom charismatic. Recruitment to top leadership restricted to official party but less dependent upon building a career within party's organization. Top leaders can come from party technocrats in state apparatus.	Highly personalistic and arbitrary. No rational-legal constraints. Strong dynastic tendency. No autonomy in state careers. Leader unencumbered by ideology. Compliance to leaders based on intense fear and personal rewards. Staff of leader drawn from members of his family, friends, business associates, or men directly involved in use of violence to sustain the regime. Staff's position derives from their purely personal submission to the ruler.

См. Linz, H., Stepan, A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe.* Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1996.

Дифференциация современных подходов
к типологизации авторитарных режимов

Подход	Зарубежные исследователи	Отечественные исследователи																									
Электоральный	<p>Алварес М., Пшеворский А. и др.</p> <table border="1" data-bbox="261 584 895 902"> <thead> <tr> <th colspan="3">Требования к демократии</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>глава исполнит. власти выбран всенародно или выбран представител. органом, избранным всенародно;</td> <td>легислатура должна быть всенародно избранной;</td> <td>выборы с участием более чем одной партии проведенные по справедливым правилам для каждого из участников;</td> </tr> </tbody> </table>	Требования к демократии			глава исполнит. власти выбран всенародно или выбран представител. органом, избранным всенародно;	легислатура должна быть всенародно избранной;	выборы с участием более чем одной партии проведенные по справедливым правилам для каждого из участников;	<p>Шкель С.Н.</p> <table border="1" data-bbox="927 584 1560 954"> <thead> <tr> <th colspan="4">Степень автономии элит</th> </tr> <tr> <th>Конкуренция элит</th> <th>Высокая (патримониальная)</th> <th>Средняя (неопатримониальная)</th> <th>Низкая (бюрократическая)</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Высокая</td> <td>Атомизированный партикуляризм</td> <td>Неопатримониальная полиархия</td> <td>Институциональная полиархия</td> </tr> <tr> <td>Низкая</td> <td>Султанизм</td> <td>Неопатримониальный авторитаризм</td> <td>Институциональный авторитаризм</td> </tr> </tbody> </table>	Степень автономии элит				Конкуренция элит	Высокая (патримониальная)	Средняя (неопатримониальная)	Низкая (бюрократическая)	Высокая	Атомизированный партикуляризм	Неопатримониальная полиархия	Институциональная полиархия	Низкая	Султанизм	Неопатримониальный авторитаризм	Институциональный авторитаризм			
	Требования к демократии																										
глава исполнит. власти выбран всенародно или выбран представител. органом, избранным всенародно;	легислатура должна быть всенародно избранной;	выборы с участием более чем одной партии проведенные по справедливым правилам для каждого из участников;																									
Степень автономии элит																											
Конкуренция элит	Высокая (патримониальная)	Средняя (неопатримониальная)	Низкая (бюрократическая)																								
Высокая	Атомизированный партикуляризм	Неопатримониальная полиархия	Институциональная полиархия																								
Низкая	Султанизм	Неопатримониальный авторитаризм	Институциональный авторитаризм																								
Акторский	<p>Геддес Б. (Хантингтон С.Ф.)</p> <table border="1" data-bbox="261 1084 895 1205"> <thead> <tr> <th colspan="4">Кто у власти?</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Военный</td> <td>Однопарт-ый</td> <td>Персонал-ий</td> <td>Монархия</td> </tr> </tbody> </table>	Кто у власти?				Военный	Однопарт-ый	Персонал-ий	Монархия	<p>Цыганков А.П. (Хантингтон С.Ф.)</p> <table border="1" data-bbox="927 1084 1560 1218"> <thead> <tr> <th colspan="4">Кто у власти?</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Военный</td> <td>Однопарт-ый</td> <td>Персонал-ий</td> <td>Бюрократ-олигарх-ий</td> </tr> </tbody> </table>	Кто у власти?				Военный	Однопарт-ый	Персонал-ий	Бюрократ-олигарх-ий									
Кто у власти?																											
Военный	Однопарт-ый	Персонал-ий	Монархия																								
Кто у власти?																											
Военный	Однопарт-ый	Персонал-ий	Бюрократ-олигарх-ий																								
Институциональный	<p>Вэхмен М., Хэденис А. и др.</p> <table border="1" data-bbox="261 1330 895 1525"> <thead> <tr> <th colspan="5">Доминирующий институт в политической системе</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td rowspan="2">Военный</td> <td colspan="3">Электоральный</td> <td rowspan="2">Монархия</td> </tr> <tr> <td>непартийный</td> <td>однопартый</td> <td>многопартийный</td> </tr> </tbody> </table>	Доминирующий институт в политической системе					Военный	Электоральный			Монархия	непартийный	однопартый	многопартийный	<p>Голосов В.Г. (Блондель Ж.)</p> <table border="1" data-bbox="927 1330 1560 1626"> <thead> <tr> <th>Режим</th> <th>Закрытый (монолитная элита)</th> <th>Закрытый (дифференцированная элита)</th> <th>Открытый</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Исключающий</td> <td>Традиционный</td> <td>Авторитарно-бюрократический</td> <td>Соревновательная олигархия</td> </tr> <tr> <td>Включающий</td> <td>Эгалитарно-автократический</td> <td>Авторитарно-инэгалитарный</td> <td>Либеральная демократия</td> </tr> </tbody> </table>	Режим	Закрытый (монолитная элита)	Закрытый (дифференцированная элита)	Открытый	Исключающий	Традиционный	Авторитарно-бюрократический	Соревновательная олигархия	Включающий	Эгалитарно-автократический	Авторитарно-инэгалитарный	Либеральная демократия
	Доминирующий институт в политической системе																										
Военный	Электоральный			Монархия																							
	непартийный	однопартый	многопартийный																								
Режим	Закрытый (монолитная элита)	Закрытый (дифференцированная элита)	Открытый																								
Исключающий	Традиционный	Авторитарно-бюрократический	Соревновательная олигархия																								
Включающий	Эгалитарно-автократический	Авторитарно-инэгалитарный	Либеральная демократия																								

АНТИПЛАГИАТ
ТВОРИТЕ СОБСТВЕННЫМ УМОМ

Красноярский государственный
педагогический университет им.
В.П.Астафьева

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа
на наличие заимствований

Проверка выполнена в системе
Антиплагиат.ВУЗ

Автор работы	Потылицын Максим Денисович
Факультет, кафедра, номер группы	
Тип работы	Выпускная квалификационная работа
Название работы	СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ПРИМЕРЕ АВТОРИТАРИЗМА (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ).docx
Название файла	СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ НА ПРИМЕРЕ АВТОРИТАРИЗМА (ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ
Процент заимствования	8,32%
Процент цитирования	4,91%
Процент оригинальности	86,78%
Дата проверки	03:28:02 19 июня 2018г.
Модули поиска	Сводная коллекция ЭБС; Цитирование; Модуль поиска Интернет; Модуль поиска "КГПУ им. В.П. Астафьева"; Модуль поиска перефразирований Интернет; Модуль поиска общепотребительных выражений; Кольцо вузов
Работу проверил	Лисина Лариса Георгиевна ФИО проверяющего
Дата подписи	19.06.18 Подпись проверяющего

Чтобы убедиться
в подлинности справки,
используйте QR-код, который
содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Предоставленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. АСТАФЬЕВА»
кафедра политологии и права

ОТЗЫВ

научного руководителя выпускной квалификационной работы

Тема работы: "Современные тенденции в изучении политических режимов на примере авторитаризма (использование в преподавании проблемных вопросов обществознания)"

Автор (студент): Потылицын Максим Денисович

Группа: 51

Направление: 44.03.01 Педагогическое образование

Профиль: История и право

Отмеченные достоинства. Тема выпускной квалификационной работы не нова, однако это не означает, что она утратила свою актуальность, т.к. новые явления порождают новые формы, что в свою очередь создает почву для новых интерпретаций. Автор исследует существующие в науке понятия «политического режима», показывая отличия его от «государственного режима». В работе обосновывается необходимость многостороннего подхода к проблеме типологий политических режимов на примере авторитаризма. Отмечается, что одним из ключевых моментов является проблема критериев, поскольку однозначного мнения по данному вопросу не наблюдается, другим - проблема политизированности типологизации

Определяется актуальность дихотомии «демократия-авторитаризм» и анализируется потенциальная опасность в некритичном и прямолинейном понимании этой дихотомии.

Автор характеризует современные тенденции в изучении авторитаризма.

Показаны проблемные вопросы при изучении данной темы на уроках обществознания в школе. В частности это проблема разграничения таких понятий как «политическая система» и «политический режим», «демократия» и «либеральная демократия».

Изучением данной темы Потылицын М.Д. занимается более двух лет, за время исследования проявил аналитические способности, показал исследовательские навыки и ответственно подошел к работе.

Заключение: Представленная выпускная квалификационная работа соответствует требованиям, предъявляемым ФГОС по направлению 44.03.01 – Педагогическое образование и рекомендуется к защите.

Научный руководитель: Лисина Лариса Георгиевна, КГПУ им.В.П.Астафьева, к.ф.н, доцент кафедры политологии и права исторического факультета

19 июня 2018г.

